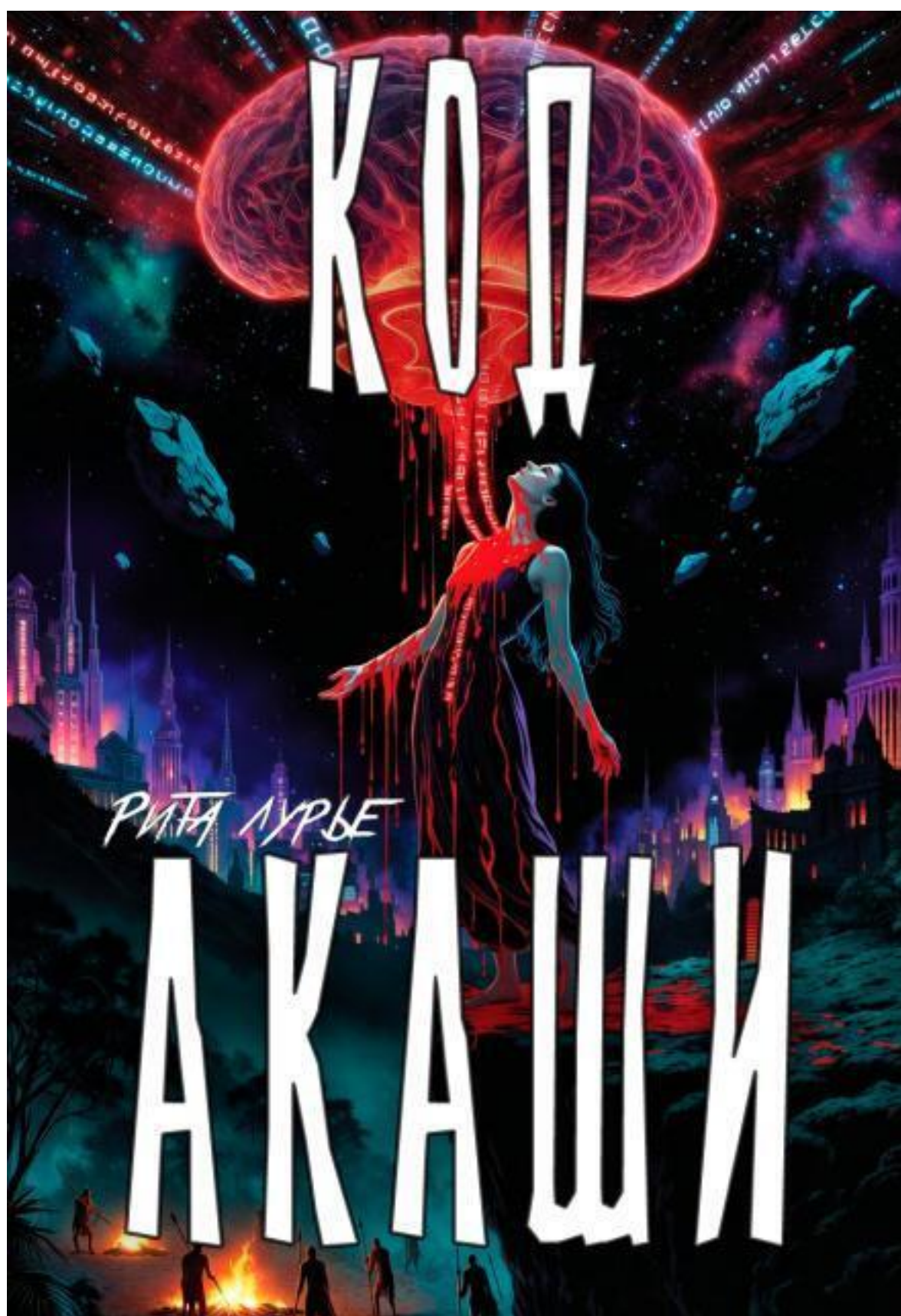

Рита Лурье
Код Акаши

«Литнет»

2025

Лурье Р.

Код Акаши / Р. Лурье — «Литнет», 2025

Кристина Андерсон оказывается на далёкой планете, населённой первобытными людьми. Эти дикари — объект изучения вампиров, переживших гибель человечества и построивших в космосе гуманную высокотехнологичную цивилизацию. Они зовут себя Наследниками. Они больше не пьют кровь — питаются синтетикой, создают андроидов, молятся на науку и сливаются сознанием со всезнающей нейросетью Акаши. Но прогресс не спасает: без человеческой крови среди вампиров распространяется смертельный вирус. Обнаружение новой колыбели человечества становится не только шансом на выживание, но и испытанием их идеалов. Вампиры столетиями пытались обрести человечность, выстраивая техническую имитацию жизни — но, столкнувшись с настоящими людьми, понимают: они всего лишь подделка. И чтобы спастись, этой подделке придётся принести в жертву тех, чью цивилизацию она унаследовала. Кровь Кристины — единственное лекарство. Только она способна пробудить ото сна Дракулу — пророка вампиров, чьё сознание веками блуждало в лабиринтах кода Акаши. Дракула ждал именно Кристину — ту, которой когда-то предложил сделку. Но откуда он знал, что судьба их вида — в её «дурной» крови? И уз земных не в силах я забыть...»

© Лурье Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

[0]	5
[1]	8
[2]	15
[3]	23
[4]	35
[5]	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

[0]

Для вызова демона ты должен узнать его имя. Люди мечтали об этом когда-то, но теперь это возможно по-другому.

Уильям Гибсон «Нейромант»

```
if not player1_von:  
    print(f"{player1} is dead.")  
else:  
    print("Try again!")  
Так я умерла.
```

Хотелось бы начать с этой емкой, сокрушительной фразы, но, к несчастью, я все еще жива. Скоро это изменится. Нехорошо лгать с первых строк, даже если все, что ты скажешь после, будет сплошным враньем.

Окей, если вам позарез нужна правда, в моей «Кровавой Мэри» есть водка, хотя ее там быть не должно. И водки там куда больше, чем остальных ингредиентов. Мне нельзя алкоголь. Мне много чего нельзя. Но знаете что? Плевать я на это хотела. Читай выше: меня скоро совсем не станет.

У меня нет денег на трансплантацию костного мозга, переливания, иммунодепрессанты и реабилитацию (спасибо, всемогущий Интернет!). Сегодня я узнала, что упустила последний шанс раздобыть их где-то в кратчайшие сроки. Зато мне удалось разжиться кое-чем другим: водкой, томатным соком и кое-какими необходимыми приспособлениями, чтобы отпраздновать поражение с особым шиком.

Шиммер в темной воде делает ее похожей на ночное небо. Я словно ступаю в открытый космос, в распростертую бездну межзвездной пустоты. И пустота эта тошнотворно сладко пахнет кокосом. Восторг десятилетки. Да и моя мертвецкая кожа теперь выглядит так, будто меня с ног до головы облевал единорог. Вода льется за край. Если соседи предъявят претензии, я поклянусь им, что всенепременно покрашу им потолок. Через месяц или около того. Ждите, сучки.

Я беру с бортика бокал с «Мэри» и принимаюсь к содержимому. Мне не сильно хочется это пить. Аппетита почти нет. Резкие запахи вызывают скорее тошноту, чем воодушевление. Сердце бьется медленно, лениво разгоняя по телу дурную кровь. Мне постоянно холодно. Холодно и сейчас, в кипятке, где нормальный человек, наверное, сварился бы заживо. Я не чувствую температуру воды. Мои рецепторы барахлят, как старый компьютер. Я сама — долбаный металлолом, которому место на свалке.

Дно стакана медленно ползет вверх. Капля за каплей «Мэри» исчезает в звездном сиянии. Вода становится алой. Я наблюдаю за этим и думаю, что могла бы выпустить всю свою проклятую кровь. Не терять драгоценное время даром: не стереть себя совсем, так попробовать получить новое рождение. Где-то среди свечей на бортике должна найтись бритва. Ничего сложного, ведь кожа тонкая, словно пленка на молоке. Всемогущий Интернет подскажет, как именно нужно действовать, чтобы запустить процесс перезагрузки. Быть может, я открою новый способ лечения острой миелоидной лейкемии. Спасу не только себя, а сразу целую кучу несчастных. Получу Нобелевскую премию мира. И будет у меня так много денег, что я смогу пересадить себе не один, а сразу десять чертовых костных мозгов. В разные места. На всякий случай.

Среди мерцания расплываются алые пятна. Завихрения бури на Юпитере. Не кровь, а томатный сок. Теперь моя торжественно-печальная ванна напоминает разогретый гаспачо. В холодильнике не сыщутся нужные для рецепта продукты, но я могла бы швырнуть в воду ссох-

шийся плавленный сырок, последнюю парочку яиц и заплесневевший батат. Не грандиозное открытие для всего человечества, так новое слово в кулинарии. Меня не забудут.

Не так страшно перестать существовать. Страшно, если после никто не вспомнит о твоём существовании. Каждый хочет оставить свой след. Дети, дома, деревья, гениальные романы, научные заслуги, вечные полотна, великие идеи, след от протечки на потолке соседей снизу. Я тоже хочу. А кто не хочет? Сегодня мне сказали, чтобы я не раскатывала губу. Всегда находится кто-то лучше. Кто-то сильнее. Кто-то талантливее. Кто-то ярче.

Всегда найдется тот, кого твоё поражение сделает непобедимым.

А ты сиди и злись себе в горячей воде.

Пар от неё такой плотный, что отражения в зеркале над раковиной тонут в вязком тумане. Смежив веки, я смотрю, как там — в лабиринте свечного, размытого света — вьётся тьма. Она принимает очертания. Но этот гость пришел не из зеркального коридора. Он стоит за моей спиной.

Я испуганно оборачиваюсь, роняя стакан на пол, и вижу фигуру, сотворенную из теней. В ней нет ничего человеческого. Ни глаз, ни лица. Просто очень крупная тень, заполняющая собой всю ванную комнату.

— Ты ангел смерти или что-то типа того? — бормочу я и с нервным смешком демонстрирую нетронутую синевато-белую кожу запястий. — Проваливай. Я не резала вены. По крайней мере, пока.

Он безмолвствует. Или оно? Не знаю, как правильно. Я не каждый день вижу настолько реалистичные галлюцинации. Вероятно, скоро и это изменится. Если сбоят все системы в умирающем теле, нужно быть готовым к любым спецэффектам.

— Приходи после, через месяц, — раздраженно говорю я. — Эта вечеринка на одного.

Тень движется, неслышно подбираясь ближе. В моей крошечной ванной комнате особо не разгуляешься. Она парит над полом, над осколками стакана, над водой, переливающейся от свечного сияния всеми красками радуги.

Дыхание сбивается. В последнее время это стало происходить неконтролируемо, но сейчас причина очевидна. Я все-таки боюсь. Первобытным инстинктам не объяснишь, что их партия уже проиграна. Они будут гнуть свое до последнего.

Я тянусь за полотенцем, низвергая на пол потоки красной воды. Не хочется, чтобы потом кто-то нашел тут мое растерзанное тельце без одежды. Оно и так представляет собой унылое зрелище из-за бледности и всех этих синяков, возникающих, как стигматы какого-нибудь раннехристианского мученика.

На меня опять, очень не вовремя, накатывает слабость, но тень уберегает меня от падения на кафель. Я укутана мраком со всех сторон. Веки смыкаются против воли. Я ненадолго проваливаюсь в небытие и, очнувшись, ощущаю под спиной мягкость постели. Кости ноют от контраста температур. Одеяло, заботливо накинутое кем-то, не спасает меня от вездесущего холода.

Потусторонний гость еще здесь. Я чувствую его присутствие. Видимо, я спятила.

— Так кто ты? — шепчу я в темноту. — Что тебе нужно?

«Я вызван мощным голосом твоим: К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье», — выплывает из закоулков памяти.

— Увы, твой вид невыносим, — заканчиваю я уже вслух.

— Не ты ли сам желал с тоской упорной увидеть лик, услышать голос мой? — вдруг откликается тень. — Ты действительно хочешь перебрасываться цитатами?

Я не слышу его, он будто звучит в моей голове. Словно кто-то пустил субтитры по экрану, натянутому на заднюю стенку черепной коробки. Отсутствие интонаций сбивает с толку. Хотя бы смайлик поставил, чтобы я понимала, как реагировать на его слова, да и на его появление в целом.

— Нет, — признаю я. — Так ты, выходит, какой-то демон? И пришел, чтобы посулить мне всевозможные блага? В массовой культуре вы всегда так делаете, когда люди в отчаянии и готовы отдать все.

— Типа того, — мне мерещится смешок.

— Ладно... — киваю я. — Ладно. Я не отказалась бы от еще одного шанса. Только вот... есть одна проблемка.

— М?

Легкий сквозняк проходит по коже, рассылая по нервным окончаниям множество противоречивых сигналов. Это и страшно и приятно одновременно. Будто кто-то невидимый только что мягко коснулся моего виска у линии роста волос.

— Мне нечего дать взамен, — заканчиваю я.

— Ничего, — примирительно отвечает тень. — Меня устроит и твоя кровь.

[1]

Кристина

Этот мир полон суеверного ужаса и древних чудовищ, но никто из тех, кто таится во мраке, не является той самой тенью. Очень жаль. Попадись мне этот ублюдок, я надрала бы его эфемерную задницу, если она у него вообще есть. Я, конечно, тоже в каком-то смысле его обманула, подсунув не качественную кровь нормального человека, а ядовитое дерьмо смертника, погибающего от треклятой лейкемии.

Но он же, черт возьми, inferнальная сущность! Ему известно куда больше, чем мне, — простой смертной. Нет ему оправданий. Он жестко меня наебал.

Я рассчитывала, что проснусь здоровой, а еще, как бонус, богатой и знаменитой. На роскошной вилле с колоннами на средиземноморском побережье, где море такое голубое, что больно глазам. Квартира попроще меня бы тоже устроила. Или коттедж с панорамными окнами в глухом лесу! Что-нибудь в таком духе.

Уж точно не пробуждение на другой планете.

Почему я уверена, что это не Земля? Потому что, сколько я себя помню, у Земли был всего один спутник, а не целых три, один из которых еще более-менее напоминает Луну, но два других кажутся прилипшими к небу бильярдными шариками. На Земле рассветы и закаты были перламутровыми. Здесь же они цвета фуксии. Да и атмосфера в целом кажется непривычной, частенько отливая то зеленым, то фиолетовым.

Потому что я никогда не видела таких деревьев и растений, как здесь, даже в каких-нибудь джунглях Амазонки по каналу «Дискавери».

Потому что те, с кем я здесь столкнулась, кажется, отстали от самых тупых моих знакомых землян на добрый миллион лет эволюции.

Это очень сильно осложняет коммуникацию. Я прибилась к какому-то племени и большую часть времени не понимаю, о чем они говорят. Их речь — сплошной набор гласных звуков, перемежаванных эксцентричной мимикой и взмахами рук. Мне худо-бедно удастся втолковать им четыре слова, на которых теперь и строится весь наш диалог.

«Да», «нет», «я» и «ты». Трогать меня — «нет». «Я» не враг — «да». «Нет», «я» «не» принесла вам благ цивилизации. Я прибыла к вам с голой задницей. Я «не» умею разводить костер, потому что всегда ненавидела походы и царящую в них антисанитарию. Возьмите меня к себе, пожалуйста, «да»? Я сдохну в этом лесу.

«Пожалуйста» они еще не освоили, и я не имею понятия, как объяснить им, что это значит.

Наверное, они думают, что я из какого-то другого племени, но я не могу пролезть в их лохматые головы и убедиться. Они похожи на людей и этого достаточно, чтобы они вызвали у меня куда больше доверия, чем любая хрень, что прячется в джунглях. Они не пытались меня сожрать — и на том спасибо. Еще одно слово, которое лучше забыть за ненадобностью.

Впрочем, кое-что из лексикона своих новых друзей я все-таки почерпнула, да не могу подобрать комбинации символов, чтобы как-то передать. Выйдет полнейшая нелепица. Одно очевидно: эта нелепица не сулит нам ничего хорошего.

Произнося это, дикари таращат глаза и особенно интенсивно машут руками. Они делаются также бледны, как и я, когда еще умирала от лейкемии. Возможно, я и сейчас больна и выгляжу также, но тут нет зеркал, да и я все равно не располагаю временем, чтобы основательно изучить свою декадентскую физиономию. Новых синяков там, где я могу себя видеть, я не заметила, отчего надеюсь, что та гнусная тень выполнила хотя бы часть своего обещания. Я больше не умираю от болезни. Я могу сдохнуть по тысяче других причин.

И странное сочетание звуков, вызывающее у дикарей такой трепет, — пожалуй, главная из них. Каждая ночь превращается в гонку со смертью. И бежим мы вовсе не от зверей, которых я не знаю, но, наверное, могу себе спокойно позволить придумать самостоятельно. Например, мелкая безобидная крыса, которую жрут дикари, будет мышмыш, а опасный хищник, замочивший недавно парочку несчастных, — волкотигр.

Простите, но в словообразовании я никогда не отличалась ни смекалкой, ни чутьем, ни оригинальностью.

Мне не хватает фантазии, чтобы как-то обозначить и тех, кто представляет главную угрозу. Про себя я зову их просто «они».

Они приходят под покровом темноты. Они источают свет. Они ищут нас, боюсь даже себе представить зачем. Еще никому не удавалось от них уйти. Остается только прятаться и дрожать, как трусливые зайчишки, надеясь, что пронесет. Мне кажется, что это — вопрос времени. Вероятно, мой фатализм стал привычкой в прежние времена, когда приговор врачей обозначил четкие рамки в пару месяцев. Я не страшусь конца, а испытываю скорее любопытство.

Но и не нарываюсь.

Просто из меня паршивая выживальщица. Я не служила в армии, не ходила в походы, брезговала спортом, а была ленивым работником интеллектуального труда, зарабатывающим остеохондроз и геморрой, сидя за ноутбуком. У меня не развито стратегическое мышление. Я не умею драться. Поражаюсь, как меня вообще не сожрали в первую ночь.

Мое укрытие — в корнях дерева, высотой с пятиэтажный дом, лишь поначалу кажется идеальным. Шмыгнув сюда, я упустила из виду товарищей по несчастью, отправившихся дальше, к пологим холмам. Я подустала бегать, малодушно планировала вздремнуть в своей «норке» и поискать дикарей уже когда наступит утро. Если, конечно, кто-то из них уцелеет. Сегодня чужаки подобрались очень близко к стоянке. И мне стоило бы тоже убраться подальше. Но я здесь. И я вижу... вижу тех демонов, что ночь за ночью внушали суеверный ужас бедным дикарям.

Мой первый порыв — выскочить из укрытия и, размахивая руками, умолять забрать меня в цивилизацию, но я гашу его в зачатке. Не стоит исключать, что они только кажутся похожими на людей, а под скафандрами (или как это назвать?) прячутся мерзкие твари-пришельцы. Я уже ничему не удивлюсь.

В свете ложной Луны их костюмы переливаются глянцевым серебром, словно рыцарские доспехи. В наплечных и наколенных пластинах действительно есть что-то от средневековых лат. Но я точно не угодила в Америку времен ее колонизации конкистадорами — шлемы чужаков оснащены осветительными приборами, что сейчас разбрасывают вокруг рваные пятна холодного, голубого света.

Свет скользит мимо корней, где я прячусь, и тени шевелятся, словно щупальца древних чудовищ. По мере приближения одного из чужаков они только растут. Тянутся ко мне, становясь воплощенным страхом. Я отчетливо слышу, как под его подошвами хрустит сухая трава. И чужак вовсе не топает, как слон, просто в лесу настолько тихо, что малейший шорох ощущается подобно раскату грома.

— Этот квадрат чист, — вдруг различаю я вполне себе понятную речь, правда искаженную каким-то прибором, делающим голос похожим на голос робота. — Нужно прочесать следующий. Идем.

— Скажи это моему тепловизору, — отвечает другой чужак, почти вплотную подобранный ко мне. — Здесь кто-то есть.

— Они слишком тупые, чтобы спрятаться, — авторитетно заявляет собеседник. — Там, наверное, какая-то мелкая тварь.

Это определение вполне подходит ко мне. Мелкая, испуганная до смерти тварь. Мне так страшно, что я не удосуживаюсь поразмыслить, почему вообще понимаю этих двоих. Я концентрируюсь на суматошном биении сердца и приказываю ему вести себя потише. Поздно.

Голубой свет бьет мне в глаза. Я в ужасе таращусь в темное стекло шлема и не испытываю и тени радости от того, что смотрю на что-то, хоть смутно знакомое. Из моей прежней жизни. Превенная или нет... До этого момента я не понимала, насколько мне дорога любая. Первобытные инстинкты во мне все еще слишком сильные.

Расталкивая корни, я бросаюсь бежать. В отличие от моих преследователей, двигаясь, я произвожу столько шума, что точно попадусь, — не им, так какому-нибудь хищнику вроде тигроволка. Волкотигра? Это не будет иметь никакого значения, если меня сожрут.

Мне не дают уйти далеко.

Я не чувствую боли. Ни пуля, ни бластерный заряд, или что-то еще в таком духе, не вонзается в мою плоть.

Темнота смыкается, будто кто-то просто выключил свет.

Красные кляксы расцветают в блестящей воде. Я прикасаюсь к поверхности кончиками пальцев, и по ней расходитсся рябь, словно помехи на экране старого телевизора. Помехи перекидываются на всю обстановку ванной комнаты, и мою синюшную кисть с дурацким синяком возле большого пальца. Он тоже появился сам собой. Теперь он исчезает, а следом и все остальное.

Это сон, понимаю я. Меня будит зуд в загривке, и, не открывая глаз, я растираю пузырек над последним шейным позвонком. Значит, я в больнице и отхожу после операции. Мне пересадили спинной мозг, и теперь все будет хорошо. По крайней мере, пока я не увижу счет, который не покроеет ни одна страховка в мире. Но с этим я как-нибудь разберусь.

Спасибо, неизвестный демон. Так куда лучше. Теперь можешь забрать хоть всю мою кровь!

Обещаю, отныне ее качество будет на высшем уровне. М-м-м. Вкуснотища!

— Не чеши, — говорит мне кто-то. — Долго заживать будет.

Я приоткрываю веки, и глаза саднит от яркого света.

Это где же такие больницы? — гадаю я. В Швейцарии или в Израиле? Вот это, я понимаю, развитая медицина! Палата выглядит донельзя футуристичной — стерильность, обтекаемые формы предметов, окно, больше напоминающее иллюминатор космического корабля. Я кое-как встаю, чтобы посмотреть, что за ним, и мне не очень нравится то, что открывается моему взору. Я предпочла бы видеть Альпы или пустыню, а не зеленоватое небо, нависшее над лесом и розоватой землей.

Я припоминаю, что кто-то со мной говорил, и оборачиваюсь. На другой койке сидит девушка, примерно моя ровесница, с характерным для местных дикарей слегка монголоидным разрезом глаз. У нее золотистая кожа и жесткие, как щетка, черные волосы. Она одета в такую же пижаму, как и я. Надо отметить, что ткань этой пижамы, — пожалуй, самое приятное, что когда-либо вообще соприкасалось с моей кожей. Она ощущается тонкой, но в ней тепло и уютно. Слабое утешение. Я абсолютно не понимаю, где я и что происходит.

— Привет, — говорит девушка. — Я... — дальше следует сумбурный набор гласных звуков, что мне уже доводилось слышать от дикарей. Она кашляет. — Лили, — добавляет она уже разборчиво. — Так это звучит на их языке.

— Чьем языке? — спрашиваю я вместо того, чтобы проявить вежливость и представиться.

Лили пожимает плечами и морщит нос. Вероятно, не знает, как ответить на мой вопрос.

— Что это за место?

— Их станция, — делится она, становясь озадаченной. — Из какого ты племени?

Теперь уже я теряюсь, что ей ответить. Из земного, если можно так выразиться, но ей это вряд ли что-то прояснит. Как и мне.

Я, кажется, умерла, утонула в ванне, где решила полежать, донельзя опечаленная тем, что не выиграла деньги, нужные мне на лечение. Я ловлю галлюцинации, пока меня пытаются откачать в карете скорой помощи. Но усилия медиков напрасны — я все равно долго не протяну.

Я провожу ладонью по лицу, а затем снова ощупываю свой загривок. Он все еще страшно чешется. Будто...

— Ну не трогай, — повторяет Лили. — Там чип. Их всем ставят, чтобы мы могли понимать язык.

Чип. Ясно. Замечательно. Я, блядь, в восторге. Это именно то, что я хотела услышать.

— Кто такие эти они? — спрашиваю я. На меня наваливается неземная усталость, и я спешу вернуться к койке, чтобы не упасть прямо у окна. Прежде со мной частенько случалось подобное. Еще не хватало раскроить себе череп, снова откинуться и очнуться в еще более фантастическом месте, чем это. Прежде я сильно недооценивала свою фантазию. Мои предсмертные видения предельно витиеваты.

— Не знаю, — сдается Лили. — Они... нас изучают. Но они добрые. А мы думали, что они хотят нас убить. Мы звали их... — снова какая-то тарабарщина. Заметив, что набор звуков мне ничего не сообщил, моя соседка хмурится.

— Скользящие, — наконец находит Лили понятную мне альтернативу, — потому что движутся почти бесшумно.

— Давно ты здесь? — зачем-то интересуюсь я.

— По их... — она загибает пальцы, считая, — три месяца. По-нашему...

— Не важно, — обрываю я. У меня и без ее лепета начинает раскалываться голова. Я огромным усилием воли останавливаю себя от того, чтобы снова ощупать бугорок на шее.

Если это и правда какой-то чип, со стороны этих неизвестных благодетелей было бы мило расширить его функционал, чтобы он не только позволял нам худо-бедно коммуницировать, но и гасил болевые сигналы. У них, наверное, очень крутые технологии — предполагаю я, чего им стоит? Я довольно долго вдавливала дикарям несколько коротких слов, а эти чужаки в два счета сделали так, что Лили разговаривает, как землянка.

Кто они? Земляне? Я ведь могла понимать их и без чипа. Быть может, я попала в прекрасное далекое будущее, где человечество продвинулось в освоении космоса и занялось колонизацией других планет? В таком случае, мне повезло. Они смогли построить корабли. Они запросто меня излечат, если я еще больна.

— Я могу поговорить с ними?

Лили удивленно приоткрывает рот.

— М-м-м... да, наверное, — говорит она после небольшой паузы. — Но зачем?

Знала бы я сама!

Довольно скоро мне представляется такая возможность. Дверь комнаты с шипением отъезжает в сторону, являя еще одно создание в серебристых доспехах.

— Новенькая, — обращается оно ко мне роботизированным голосом.

И у меня сразу отпадает малейшее желание первой вступить в диалог и путаться в словах, объясняя, что я не такая, как остальные дикари. Я догадываюсь, что об этом лучше не распространяться. По крайней мере, пока я не пойму, с кем имею дело. А пока наши «благодетели» не внушают мне ни капли доверия. Трудно проникнуться симпатией к тому, кто носит скафандр, прячет свое лицо и звучит, как долбаный робот.

Меня отводят в другой отсек, где берут кровь. Вместо обычных шприцов они пользуются чем-то, смутно напоминающим степлер. Существо прижимает его к кончику моего пальца. Я все жду, когда же будет укол, но, вероятно, в неведомую приблуду вшит анальгетик. Я бы подумала, что целью процедуры были еще какие-то показатели, но создание вынимает из «степлера» крошечную капсулу с кровью.

Я стараюсь вести себя, как вел бы себя местный абориген: не задаю вопросов и никак не обличаю, что мне уже не раз доводилось сдавать кровь. Если быть точной, так часто, что у меня развилась своеобразная трипанофобия. Мне повезло, что здесь не используют иглы. Я бы словила паническую атаку, чем мгновенно обличила себя.

После медицинского кабинета я оказываюсь предоставлена самой себе. Мой провожатый сухо инструктирует меня, где на станции что находится: столовая, жилые отсеки и «школа». В лишенном интонации голосе мне слышится непрозрачный намек, что мне не помешало бы пойти туда, но я ищу выход на улицу.

Я не планирую бегства, потому что мне не сильно понравилось болтаться по джунглям, но существа в скафандрах наводят на меня жуть. Они все примерно одного роста, на голову, а то и две меня выше, и комплекции, из-за чего я начинаю склоняться к тому, что они все-таки пришельцы.

Аборигены пока меньшее зло.

Они хотя бы люди.

Увы, единственный выход из здания, длинного, словно тоннель метро, мне попадаются не они, а опять эти мутные серебряные твари. Они держат в руках продолговатые предметы, в которых я без труда опознаю оружие. Ясно. Можно спать, есть, сдавать кровь, учиться, но не гулять. Ладно.

— Хочу наружу, — заявляю я. У меня же есть чип. Они должны меня понять. Фраза достаточно простая, будто я только-только овладела их языком, вынырнув из мира первобытных суеверий и тому подобного.

— Сейчас не время для прогулок, — отвечает мне один из стражей, даже не повернув головы в мою сторону.

— А когда будет время для прогулок? — невинно интересуюсь я.

— Когда надо, тогда и будет, — встречает второй, и мне мерещится сухой смешок, что решительно невозможно. Их модуляторы речи поглощают интонации и малейшие проявления эмоций.

Словно я снова общаюсь с той тенью.

Тенью, которой не было. К несчастью, я перестала понимать, что реально, а что нет. Теперь уже моя прежняя жизнь кажется сном. У меня нет никаких доказательств, что я когда-то жила и... наверное, умерла на Земле. Я здесь. Я ощущаю свои ноги, руки, покалывание в шее; чувствую, как воздух вырывается изо рта, как мягкая ткань пижамы соприкасается с кожей. Это вполне реально. Остальное вызывает сомнения.

Что ж...

Мы не гости, а пленники. Нужно довольствоваться тем ассортиментом развлечений, что мне озвучили. Аппетита нет, да я и не рискнула бы жрать кормежку этих мутных товарищей, потому я все же иду в «школу». Она не похожа на школу в привычном смысле. Это просторное помещение с панорамными окнами, выходящими в долину. Никаких парт, доски или тому подобного. Несколько столов с вмонтированными в них экранами стоят вдоль стен. Чуть поодаль... боже мой! Футуристичный стеллаж с настоящими бумажными книгами. Я бросаюсь к этому привету из прошлого, позабыв об осторожности.

Представленные здесь экземпляры — не древние фолианты, а, судя по всему, недавно отпечатанные книги в простых темных обложках. Я провожу пальцами по корешкам, читая

названия. Подборка литературы вполне хрестоматийная, и я не удивилась бы ей, наткнувшись в городской библиотеке, но никак не на другой планете.

Я выуживаю толстый томик и листаю в поисках нужного места.

«*Но что за страх позорный, Сверхчеловек, тобою овладел?*» — читаю я про себя, будто продолжая свой прерванный диалог с несуществующей тенью.

Книга летит на пол, а я визжу нечеловеческим голосом, к счастью, удержавшись от непечатных выражений, которые чужаки вряд ли сочли нужным загрузить в головы дикарям. Серебряный гад возникает рядом со мной слишком внезапно.

Права была Лили, сказав, что передвигаются они совершенно бесшумно. Даже в их странных скафандрах, напоминающих рыцарские доспехи. Скорее всего, они выполнены из какого-то высокотехнологичного легкого материала и только выглядят как металл.

Я подбираю книгу под чутким наблюдением обращенного ко мне шлема. Я чувствую взгляд чужака и через стекло.

— Я могу это взять? — спрашиваю я, украдкой оглядываясь. В помещении есть и другие мои товарищи по несчастью, но они рассредоточились у мониторов маленькими группами.

Нужно отдать должное нашим порабощателям — дикари стали выглядеть поприличнее. Отмытые, причесанные и приодетые, они похожи на землян. Мне стоило бы быть среди них, а не привлекать к себе ненужное внимание, толкаясь у стеллажа с книгами.

Ну, я никогда не отличалась особым умом. А вот любопытство смело можно было назвать моим главным пороком.

— Да, — подумав, изрекает чужак, все еще зловеще нависая надо мной. — Почему именно это?

Я и в иных обстоятельствах не смогла бы ему ответить. Потому я просто стою с, надо думать, очень глупым и нелепым видом, пока шестеренки медленно проворачиваются в моей голове. В результате некоторых быстрых размышлений я решаю использовать подвернувшуюся возможность. Раз этот тип разговорчивее остальных.

Я завожу руку назад и демонстративно касаюсь своего загривка.

— Ваш чип... — неуверенно произношу я. — Я могу вас понимать, но хотела бы узнать, кто вы.

Создание, укутанное в серебро, резко наклоняется, пугая меня до усрачки. Я едва не падаю вслед за книгой на глазах кучи дикарей и присматривающих за ними чужаков.

— Мы *не демоны*, — тихо говорит роботизированный голос, — так что плохой выбор учебного пособия.

— Вы инопланетяне? — вырывается у меня. Я испуганно прижимаю пальцы к губам, хотя мне куда больше хочется дать самой себе пощечину. Мне нужна пересадка не костного мозга, а мозга вообще. Нормально функционирующего мозга. Кажется, я только что себя рассекретила.

Мой собеседник отодвигается, предоставляя мне больше личного пространства и кислорода. А в последнем я нуждаюсь особенно остро. У меня сбивается дыхание и начинает темнеть в глазах. В этот момент я надеюсь, что лейкемия никуда не делась и прикончит меня побыстрее. Или я просто упаду в обморок, чтобы сбежать от этого разговора.

— Вам следует начать с медиа-материалов, как и остальным, — как ни в чем не бывало сообщает чужак. — Художественная литература — следующий этап.

— О... — роняю я. Этап? Для чего? Зачем? Что это еще за добровольно-принудительная просветительная программа для аборигенов? У них в прекрасном будущем слишком много колледжей, и возникла нехватка преподавателей гуманитарных наук?

Как минимум, нас не собираются съесть. Но это не точно.

«*Чтоб я постиг все действия, все тайны, Всю мира внутреннюю связь*», — отвечаю я ему еще одной цитатой из книги, которую все еще сжимаю в онемевших от волнения пальцах.

А вдруг эти пришельцы — или кто они там — умеют читать мысли? Или, еще чего доброго, чип, вделанный в мой восьмой позвонок, транслирует весь бред из моей головы им напрямую, как гребаное шизофазивное радио?

Передо мной все еще черное стекло шлема, но мне почему-то кажется, что да.

Тот, кто за ним, меня слышит.

[2]

Филип Марлоу.

Мне часто снятся чужие сны. Должно быть, падают какие-то щиты, и общее информационное поле просачивается в мой разум, словно вода в брешь старой черепичной крыши. Сейчас я вижу именно ее — красную черепичную кровлю. Старинные дома с эркерами и лепниной. Мостовые, блестящие от дождя. Тяжелый от влаги воздух, приглушающий звон трамвая и ржание лошадей в упряжке. Сквозь туман проступают шпили готических сооружений и печные трубы. Кажется, это где-то на Земле. Я не узнаю этот город. Наверное, я никогда там не был. Или просто не помню его, ведь прошло уже слишком много времени. Страшно называть про себя эту цифру.

Я вижу этот город, задремав в кэбе после долгого перелета. Меня будит легкий электрический импульс, что Акаши заботливо посылает по позвоночнику, чтобы сбросить с меня путы сна. Приоткрыв глаза, я смотрю за тонированное стекло кабины, и вот он — похожий образ уже наяву. Здания из черного камня. Низкое небо, насаженное на башни и флюгеры. Толпа, месящая грязь мостовой.

Филигранно исполненная подделка. Макет в стеклянном шаре со снегом, только без снега.

Температура на этой планете никогда не падает ниже нуля.

Акаши, — зову я, барахтаясь на грани яви и сновидения, — что это было? Воспоминание?

Я думаю, что ваши воспоминания о каком-то городе на Земле наслоились на восприятие Некрополиса, — откликается она. — Кстати, добро пожаловать. Вам следует отложить толкование сновидений на потом и сконцентрироваться на других вещах.

Алгоритм Акаши не ошибается в своих прогнозах, однако никогда не дает точной формулировки. Она считает, что знать будущее в мельчайших деталях пагубно для ума. Она лишь предостерегает. И очень вовремя.

Я замечаю, что водитель отклонился от маршрута, скорее всего, рассчитывая свернуть в темный переулок и проверить меня на прочность. Никаких обид, это чертов Некрополис. Тут свои порядки. Но я не заказывал кровавый Диснейленд, а прибыл сюда ради важного дела.

— Плохая идея, приятель, — говорю я и, отодвинув в сторону край плаща, демонстрирую ему кобуру с бластером. — Меня это не интересует.

— Надо же, — фыркает он. — Ладно-ладно, босс.

Надеюсь, я не нанес ему оскорбления, — думаю я, но быстро решаю, что мне плевать. Меня не касаются проблемы очередного фанатика из культа смерти, повсеместно распространенного в Некрополисе. Он будет нарываться и дальше, пока наконец не найдет свою гибель. Все они находят. А после «перезапуска» проходят этот круг снова и снова. И не важно, кто ты, — жертва или охотник, если повторяешь один и тот же замкнутый цикл.

Кэб мягко приземляется на площадку зловещей махины госпиталя. Наверное, если бы не бесконечно идущий дождь, все выглядело бы не так безрадостно, но Некрополис специально отстроили именно здесь. Туманно, влажно, темно. Идеальное место для города, выполненного в темных тонах вечного декаданса.

В приемной я сталкиваюсь с Офелией, которая, судя по всему, меня и поджидала. Конечно. Акаши.

Интересно, как звучала подсказка, полученная моей старой знакомой?

Временами общение со всезнающим искусственным интеллектом напоминает гадание на картах таро. Какой архетип он подобрал для меня? Спрашивать у самой Офелии как-то неловко.

Слишком... много всего между нами. И еще кое-что, что мигом стряхивает с меня ностальгию и бросает в кипящую ярость.

— Ты с ума сошла! — возмущаюсь я.

— Меня к нему не пускают, — одновременно со мной говорит Офелия. Ее глаза — ясные, как хрусталь — блестят от слез.

Раньше они были зелеными, а не голубыми. Я быстро сканирую и другие изменения в ней, произошедшие с нашей последней встречи, и закипаю все больше. Она перекроила себя до неузнаваемости. Она... уже не она. Офелия, которую я знал, должно быть, сейчас погружена в стазис за тысячи световых лет отсюда. Ее прекрасное холодное тело с кожей, словно светившейся своей белизной на черничного цвета постельном белье. Грустный повод, по которому состоялась наша встреча, вовсе не мешает мне вспоминать эту картину. Ведь это я их познакомил. Но тогда она была куда умнее.

Я разочарован.

На нас таращатся буквально все, пока я оттаскиваю Офелию в сторонку. Ее прицеп семенил за нами — и эти взгляды раздражают меня куда больше, чем всех присутствующих вместе взятых. Две пары небесно-голубых глаз на ангельских детских физиономиях.

— Какого черта ты творишь? — рявкаю я, кое-как сдержавшись, чтобы не надавать Офелии по щекам. — Зачем ты притащила это сюда?

Гнев расцветает на ее лице пунцовыми пятнами.

— Ах, вот как ты теперь заговорил, — шипит она. — Не смей так...

— Дядя Фил, — пищит девчонка, цепляющаяся за ее руку. Меня не трогает ее милый вид и заискивающий взгляд.

— Заткнись, — требую я. — Я тебе не дядя. И не лезь, когда...

— Взрослые разговаривают, — заканчивает за меня Офелия. Она приседает на корточки перед девчонкой, оглаживает ее худенькие плечики и ласково воркует: — Мари, малышка, подожди, нам нужно поговорить.

Девчонка отлипает от Офелии, берет такого же белокурого мальчика за руку и отходит на безопасное расстояние. Мне становится чуточку легче, когда они не мозолят глаза, но я все еще вижу их боковым зрением. Контролировать периметр — привычка, нарабатанная годами, чтобы не схлопотать удар в спину или похерить цель. Кем бы ни были эти дети, здесь им угрожает смертельная опасность. Офелия — полная дура, раз притащила их сюда.

— Филип, послушай... — вздыхает она. — Я подумала, что это сможет его убедить. Если он увидит их... А если нет, они все равно должны проститься с отцом.

Святые угодники!

Я замахваюсь для пощечины, но в последний момент прячу руку в карман плаща.

Остынь, — говорю я себе. Это Офелия, а не какая-то наркоманка из трущоб, пусть у нее и закатились шарики за ролики. Трудно не слететь с катушек, когда живешь такую долгую жизнь. Во времена, когда мы были любовниками, она терпеть не могла кукол, и вот, всего каких-то три века спустя, нянчится с ними с удовольствием. Она и сама стала куклой. Но я не обитатель Некрополиса, чтобы предвзято относиться к подобным вещам. Я не осуждаю. Опустим нашу старую интрижку. Офелия — нынешняя избранница моего друга. Я беспокоюсь о ней, даже когда она творит какую-то херню. Особенно, когда она творит какую-то херню.

— Сэм не их отец, — устало напоминаю я, — а созерцание двух болванок вряд ли поможет ему выкарабкаться. Зато тут найдется три тысячи жалящих поглазеть, что у них внутри. Ты действительно хочешь, чтобы их пустили в расход?

— Я перезапишу их, — беззаботно пожимает плечами Офелия, и я наконец-то узнаю ее прежнюю. Такой она была до того, как преисполнилась слащавым бредом Гелиотрона.

Минуту назад она готова была растерзать меня за неуважительное обращение с ее питомцами, а сейчас признает, что с легкостью пожертвует ими. Они не более чем аксессуар. Потому я скептически воспринимаю игры Офелии в заботливую мамашу.

— Но я не смогу перезаписать Сэма, — потупив взгляд, грустно говорит она. — Этот упрямый осел... Он при смерти. По-настоящему. Он не проснется в капсуле, как мы.

Говори за себя, — злюсь я, но не озвучиваю этого вслух. Лучше я буду подвергаться ежедневному риску, — еще бы, с такой-то работой! — чем засуну настоящего себя на хранение и стану разгуливать в тушке болванчика.

— Не сольется с Акаши... — продолжает Офелия. — Кто-то должен уговорить его на отцифровку, пока не поздно. Эта болезнь... я слышала, что она уничтожает не только тело, но и разум. Счет идет на часы. Изменения могут быть необратимыми. Ты же здесь за этим, да? Для этого сорвался?

— Да, за этим, — признаю я.

Офелия кивает своим мыслям. Она смотрит на город за окном, размытый потоками дождевой воды, бьющейся в стекла. Трепещущий холодный свет делает ее загорелую кожу бледной, как прежде. Все-таки такой она нравилась мне больше.

Непривычно видеть ее живой?

Почти живой.

— Это все из-за тебя, — вдруг изрекает она, нахмурившись. — Это ты вдохновил его своим примером. Даже на Гелиотроне он отказывался жить, как все мы. И к чему это привело? Наш мир... наша семья... он...

Она драматически вздыхает.

Ах, значит, теперь она винит во всем меня.

— Он сам это выбрал, — обрываю я, — так что завязывай.

Офелия делает то, на что я не осмелился, — бьет меня по лицу узкой ладонью с тонкой полоской обручального кольца. Чип подавляет болевые рефлексy, и я испытываю скорее раздражение. Я предельно близок к тому, чтобы просто вырубить ее, зашвырнуть в кэб и отправить в Гелиотрон принудительно. А куклы пусть разбираются сами. Скорее всего, через пару часов от них останутся рожки да ножки. Никто не станет церемониться с тарелкой, в которой подан его суп.

Если до того на нас косо поглядывали, то теперь в открытую пялятся весь приемный покой.

— Если он умрет, я тоже убью себя, — заявляет Офелия. — По-настоящему.

— Ладно-ладно, — сдаюсь я, прежде чем она снова начнет плакать или выкинет еще какой-нибудь финт. — Я уговорю его на отцифровку. Но ты должна убраться отсюда.

— Но как же дети? Пусть они хоть... — начинает Офелия, но мой недовольный взгляд вынуждает ее замолчать. Она кивает, признав, что этот аргумент не имеет веса в споре со мной. Приемы, к которым она, должно быть, частенько прибегает на Гелиотроне, здесь не работают. Это суровое место, а не их миленький кукольный мирок.

Я дожидаюсь, пока Офелия погрузит в кэб свой живой багаж, и, отсалютовав ей на прощание, иду справляться о визите к Сэму.

Врач непреклонен — «визит», если это можно так назвать, возможен, а вот разговор — нет. Даже будь я копией самого себя, подобное не разрешено. Инфекция опасна и пока плохо изучена. В стеклянный бокс, где содержится Сэм, вхожи только обслуживающие болванки. Для любого создания, наделенного разумом, риск слишком высок, ведь мы все связаны с Акаши.

Так что у меня не выходит исполнить обещание, данное Офелии.

Все, чем мне остается довольствоваться, — это постоять у плотного стекла, наблюдая, во что превратился ее супруг. Я радуюсь, что выдворил ее вон. Офелии нельзя это видеть — зрелище точно не для слабонервных.

Я едва узнаю Сэма в дряхлом старце, прикованном к койке и окутанном множеством проводов. Некогда сильное, могучее тело сморщилось, волосы выпали, кости и мышцы плотно обтянуты пожелтевшей кожей. Вся она испещрена синюшными пятнами, язвами, струпьями и свежими ссадинами. От появления новых Сэма берегут ремни, удерживающие его конечности, и, конечно, сильная доза седативных препаратов. Ему не дают приходиться в сознание, ведь, охваченный безумием, он стремится поранить себя. Мне уже приходилось сталкиваться с больными, страдающими этим недугом, но я и не задумывался, что однажды это постигнет кого-то, кто мне важен. Я наблюдал чужие страдания с холодным, отстраненным интересом, задаваясь лишь одним вопросом: не случится ли это со мной?

Но где же он заразился? Насколько мне известно, на Гелиотроне еще не зафиксировано случаев заражения. Выходит, здесь, в Некрополисе? Но какого дьявола он тут забыл? Почему бросил свою игрушечную семью?

Он давно вышел в отставку.

Какой прогноз? — обращаюсь я к Акаши, задумчиво поглаживая кожу над чипом, вшитым в загравок. — *Впрочем, ты ведь не ответишь, да?*

Верно, — соглашается она. — *Я боюсь, что ответ на этот вопрос вас расстроит. Если вам будет угодно, я могу просчитать вероятность... или подобрать подходящую метафору?*

Нет, не нужно, — откликаюсь я. — *Лучше скажи, есть ли способ обойти «Астральный вектор» и сделать копию сознания без разрешения носителя. Если от сознания еще что-то осталось.*

Вам известно, что нет, — отвечает она, и, если бы у нее был голос, сейчас он звучал бы с сожалением. — *Правила едины для всех.*

— Забавно, — бормочу я себе под нос, будто Сэм может меня слышать и поддержать беседу. — Мы так много размышляем о смерти, не имея представления, что это, но, столкнувшись с ней, оказываемся совершенно беспомощны. Да, старик?

Я улавливаю вибрацию от шагов, прежде чем в поле зрения появится медработник, и затыкаюсь. Едва ли он горит желанием ввязаться в пространный философский диспут. Специфика работы в госпитале делает персонал по-своему циничным. В городе, где смерть, — что-то вроде аттракциона, у них хватало работы и до возникновения инфекции, сделавшей небытие реальным, как никогда. В последнее время случаи участились.

Хорошо, что на Гелиотроне Офелия в безопасности. Сэм не хотел бы, чтобы она разделила его участь. Мы живем слишком долго, чтобы верить в вечную любовь. Его супруга погорюет, но найдет себе кого-то еще.

— Попрощались? — хмуро интересуется медработник. Я подмечаю, что он тоже предпочитает носить оболочку, вероятно, в целях безопасности, но без всяких изысков, не то, что моя старая знакомая.

— Да, — говорю я и ухожу, чтобы еще какое-то время постоять под дождем.

В этих декорациях я чувствую себя нуарным детективом. Не хватает только шляпы «Стетсон» и сигареты. Впрочем, город, обозреваемый с посадочной площадки на крыше госпиталя, скорее похож на Дрезден или Кельн, уж точно не на Чикаго. Я — нуарный детектив, перепутавший сеттинг и приبلудившийся в готический роман, но от попытки иронизировать над собой не делается менее паршиво на душе.

Я размышляю, что сказать Офелии и нужно ли вообще с ней еще раз говорить, когда рядом вдруг приземляется кар. Дождь барабанит по черной нанокерамике. Дорогая игрушка, ни материал, ни дизайн не характерны для Некрополиса. Я отмечаю предположение о том, что меня отыскал кто-то из местных, кому я когда-то давно умудрился перейти дорогу, чтобы поквитаться.

Значит, работа, — заключаю я и мелочно радуюсь возможности отвлечься от горького послевкусия от последней встречи с умирающим другом.

Что скажешь, Акаши? Я угадал или меня сегодня прикончат? — думаю я и, стоит дверце с шипением отъехать в сторону, забираюсь внутрь.

В салоне сухо и тепло, но с моего плаща тут же натекает внушительная лужа. Пассажиров кара это, кажется, нисколько не беспокоит.

Как всегда, я прежде всего оцениваю обстановку: водитель, скорее всего, болванка, возможно, вооружен. Двое телохранителей — настоящие, судя по выправке, имеют хорошую военную подготовку, но не спешат обнажить пушки, которые у них, предположительно, спрятаны под современными пиджаками старомодного кроя. Последняя в каре — особа столь юная, что Офелия запросто могла удочерить ее вместо болванки, белокурая и миловидная. Но мне сразу становится кристально ясно, что эта пигалица здесь главная, остальные — ее свита или обслуга. Она держится как потомственная аристократка, обряжена в реликтовый шелк и отыгрывает радушную хозяйку.

Такс...

— Чем обязан? — спрашиваю я вместо приветствия, на всякий случай поглаживая рукоятку бластера под плащом.

— Расслабьтесь, мистер Марлоу, — почти ласково говорит блондинка.

В ее речи отчетливо слышится тень какого-то умершего европейского языка. Я бы предположил, что она, — представитель консервативной элиты Некрополиса, если бы не ее внешность. Я слышал о таких, как она, белобрых и синеглазых особях. Кто-то поэтично звал их «небесными странниками», кто-то менее уважительно — просто «молю». Ее попутчики, судя по масти, относятся к тому же племени.

Но они живут обособленно и, как правило, не снисходят до мелкой возни остальных образчиков нашего вида. Признаться, я имею смутное представление, где они обитают и чем занимаются.

Как-то не пришлось завести с ними знакомство.

— Я расслаблен, — заверяю я. — Просто хотелось бы сразу внести ясность. Если вы думаете, что я наемник, вас ввели в заблуждение. Я занимаюсь преступлениями, связанными с синтетическими препаратами и...

— Мы прекрасно осведомлены о роде вашей деятельности, — перебивает меня она.

Все время, что я нахожусь в каре, она не сводит с меня синих глаз, даже не моргая. Мне невольно делается неуютно под тяжестью ее взгляда.

— Ладно, — сдаюсь я. — Так что вам нужно?

— Дело непосредственно касается синтетических препаратов, — продолжает она, — и вашего бывшего напарника Сэма Спейда. Мне жаль, что его постигла такая печальная участь.

Тщательно проанализировав, с каким выражением были сказаны эти слова, я признаю, что она и правда испытывает нечто, близкое к состраданию. Но это уже не имеет значения. Упоминание Сэма заставляет меня встрепетаться.

— Простите, — спохватывается хозяйка кара. — Вы, быть может, голодны? Мне стыдно за свои манеры, что я сразу...

— Нет, — быстро пресекаю я. — Продолжайте.

— Для начала мне хотелось бы получить ваше согласие, — говорит она и кивает своим спутникам. Телохранитель, сидящий подле нее, достает планшет и стилус для подписи, но я мотаю головой.

— Я не буду соглашаться, пока не узнаю, на что конкретно подписываюсь, — возражаю я и развожу руками. — Уж извините, мисс. Вы даже не представились. Вам-то известно, кто я, верно?

Хозяйка кара спокойно выдерживает дуэль взглядов и одаривает меня неожиданно теплой улыбкой. Другой на моем месте давно бы растаял. Она хороша собой, но не как сексуальный объект, а как старинное полотно в музее, на которое приятно смотреть и испытывать чисто эстетическое удовольствие. Она держится без высокомерия, хоть явно относится к высшему свету. Как правило, такие вещи подкупают. Но я только что лицезрел умирающего в страшных муках Сэма, и этот жуткий образ застилает все перед моими глазами. Явись мне хоть сам Дракула с поручением государственной важности.

По правде, я считаю, что его не существует. Его уже лет пятьсот как никто не видел. Скорее всего, он давно истлел в прах и слился с Акаши. Быть может, мои сны про старые европейские города — призрак его личности, затесавшийся в код, и они сняты всем, кто носит в своем теле чип для моментальной связи со всезнающим искусственным интеллектом.

— Справедливо, — соглашается незнакомка. — Хорошо. Мое имя Луиза Ришар. Я возглавляю конвент гуманитарного разума, и сейчас мы занимаемся разработкой вакцины против ВБС.

— ВБС? — почему-то из всего сказанного я цепляюсь именно за эту загадочную аббревиатуру. «Конвент гуманитарного разума» мой мозг фильтрует в папку «мусор», поскольку в нашем обществе каждые лет пятьдесят-сто возникает новая организация с витиеватым названием, занятая черт знает чем, но, по их мнению, очень важным. Если бы я силился запомнить, давно бы поехал крышей, как Офелия и блаженные хиппи, живущие на Гелиотроне.

— Вирус быстрой смерти, — объясняет Луиза Ришар. — Болезнь, от которой умирает ваш бывший напарник. Мы так ее называем.

— Уже интереснее, — признаю я. — И как успехи?

— А это, друг мой, ознакомительная версия, — усмехается она. — Дальнейшая информация доступна по подписке.

— Ладно-ладно, — сдаюсь я и сам тянусь за планшетом. — Черт с вами. Продано.

Я бегло просматриваю контракт, и мои брови ползут вверх. Большинство пунктов вносятся в любое соглашение, например, обязательство хранить подробности дела в строжайшей тайне, но кое-что заставляет меня поднапрячься. Однако я решаю, что не стану качать права, когда на кону, возможно, шанс спасти Сэма от настоящей гибели, а разберусь с этим после. Все-таки документ составлен от имени той самой организации, а не самой барышни в каре, и все выглядит вполне официально.

— Я знаю, что некоторые условия противоречат вашим убеждениям, — говорит Луиза, от внимания которой не укрывается внутренняя борьба, написанная у меня на лице, — но позже я объясню, зачем это нужно. Все по порядку.

— Хорошо, — соглашаюсь я и нетерпеливо спрашиваю: — Вы действительно сможете ему помочь?

— На данный момент у нас есть только пробный образец вакцины, — со вздохом делится Луиза, — но он даст отсрочку, пока мы проведем нужные лабораторные тесты. Все почти готово.

— Сейчас вы скажете, что вам нужен подопытный кролик? — хмыкаю я. — К этому вы ведете?

— Нет, мистер Марлоу, — говорит она. — На эту должность подошел бы и любой другой, без ваших профессиональных качеств. Вам нужно закончить работу, начатую мистером Спейдом.

— Так он работал на вас...

Вот почему он покинул тихую гавань своего семейного счастья!

Решил потряхнуть стариной.

Прельстился заманчивым предложением!

Но у меня нет и малейшей догадки, что ему могла посулить эта велеречивая особа. У него, казалось бы, было все. Живи себе и радуйся, пока не надоест. Быть может, Сэм заскучал? Зная его подвижную натуру, сложно представить его, веками напролет играющим в куклы с Офелией.

Он сбежал от нее?

— Верно, — кивает Ришар и резко меняет тему. — Вы когда-нибудь пробовали ТС?

— Нет, — резко говорю я. — Я не стал бы заниматься тем, чем занимаюсь, если бы мне хотелось это попробовать.

А Сэм пробовал и, более того, встал на путь борьбы с этим злом, отыскав в себе силы вынырнуть из химического омута. Он страстно желал выжечь эту заразу, чтобы больше никто не прошел через те круги ада, что и он в свое время. Зато «темное прошлое» обеспечило его по-настоящему бесценными познаниями.

— Хорошо, — откликается Луиза. — мистер Спейд шел по следу новой модификации ТС. Ему удалось узнать, что эта формула содержала в себе компонент, который был украден из нашей лаборатории. К несчастью, он не успел отследить утечку до конца. Мы думаем, что ему помешали и... он подцепил вирус не случайно.

— Разве это возможно? — сомневаюсь я.

— Все возможно, мистер Марлоу, — мрачно заключает она. — Увы, его сознание не отцифровано, а в его нынешнем состоянии нам никак не получить от него информацию. Поэтому мы решили зайти с другой стороны.

Она делает знак одному из своих подопечных, и, словно понимая ее без слов, он достает из потайного отсека винтажный стеклянный бокал и контейнер со смесью. Эти предметы совершенно не сочетаются между собой. Я наблюдаю, как телохранитель Луизы наполняет бокал, и рефлекторно облизываю губы. Без сомнения, смесь, которую может позволить себе представительница какой-то там организации с кучей слуг, лабораторий и черт знает чем еще, лучшего качества, чем рядовое пойло. Но я все же отказываюсь разделить с ней трапезу.

Луиза смакует смесь с таким наслаждением, словно это старинное вино. Лишь утолив голод, она продолжает:

— Вам предстоит отправиться на объект, где мы получаем необходимые компоненты для вакцины... и найти... Как бы это сказать? Предателя?

Она размышляет вслух, перекачивая смесь на языке. Ее бледно-розовые губы становятся алыми. Они выглядят злобещей рваной раной на нежном, вечно юном лице.

— Окей, — говорю я. — Поймать крысу — это я могу, тем более, если они транжирят ваши «компоненты» на изготовление злобущего ТС, тут вы по адресу. Что это, кстати, такое? Это вообще не опасно вводить больным, раз этим не брезгают доморощенные химики? ТС — то еще дерьмо... и...

— А вот это самое интересное, — обрывает Луиза, чуть поморщившись от моей манеры выражаться.

Она делает длинную паузу, а я нетерпеливо ерзаю на месте. Прислушавшись, я отмечаю, что дождь усилился, и поражаюсь, как Некрополис еще не смыло к чертям собачьим, если здесь выпадает столько осадков. Зато это объясняет, почему все постройки имеют такой характерный цвет и покрыты зеленоватым налетом. Здания просто цветут, а строили их из местной породы, не потрудившись привезти более современные материалы, равнодушные к инопланетной органике.

— Этот компонент — кровь, — заявляет Ришар, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

Я недоверчиво кошусь в ее сторону, оторвавшись от любования унылым пейзажем за окном кара. Ее детская физиономия выглядит донельзя хитрой. Она, надо думать, бесконечно довольна собой, что сначала требовала с меня подпись о неразглашении.

— Чья кровь? — осторожно уточняю я.

— *Человеческая кровь*, — отвечает она.

— Синтетическая?

— Нет, мистер Марлоу, — возражает Луиза. — *Настоящая кровь* настоящих людей.

— Но это... чушь собачья! — я начинаю злиться. — Люди исчезли как вид тысячу лет назад. Ученые веками искали хоть крупицу биоматериала, чтобы их воссоздать, но та гребаная война ничего не оставила.

— Я понимаю вашу реакцию, — спокойно говорит Луиза, — но это немного другие люди. Новые, если можно так выразиться. Мы нашли их на одной далекой планете, и их генетический код примерно тождественен тому, что был у тех, чью цивилизацию мы унаследовали. Они — ключ ко всему. Подобное открытие — настоящая сенсация, поэтому пока конвент хранит его в тайне. Мы отбирали самых надежных специалистов, чтобы заниматься их изучением, но, увы, нас кто-то предал.

— Я вам не верю, — признаюсь я. — Это полный бред.

— Поверите, когда увидите своими глазами, — с многозначительной улыбкой продолжает она. — Вернее... не совсем своими. Мы не допускаем наследников до исследовательской станции, в силу некоторых особенностей. Только андройды-носители сознания операторов.

— Так вот к чему этот пункт, — вырывается у меня. — Про отцифровку и...

— Да, — подтверждает Ришар, — но вы уже согласились, мистер Марлоу. Я уверена, что вы не пожалеете. Иногда можно пожертвовать своими убеждениями во имя общего блага, особенно, если на кону жизнь вашего друга.

— Вы не оставили мне выбора, — выплевываю я.

Луиза кивает и задумчиво проводит кончиками пальцев по ободку бокала. Он издает тонкий, мелодичный звук. Она склоняет голову набок, словно ей доставляет удовольствие эта импровизированная музыка. А мне в свою очередь хочется сломать ее тонкую шейку голыми руками, даже если ее телохранители тут же издырявят меня в решето.

Но что это даст? В отличие от Офелии, я не проснусь в капсуле с головной болью и остаточными эффектами от «перезагрузки», и точно не смогу помочь Сэму. Кое в чем эта скользкая сука права — нужно правильно расставлять приоритеты. Глупо рубить с плеча.

Я разберусь с ней после, как только получу подтверждение, что ее вакцина и правда работает. Сдам Луизу Ришар и ее сраный конвент совету, ведь укрывательство такой тайны, — преступление против всего нашего общества, пусть они и оправдываются каким-то там благом. Потом обязательно сотру свою цифровую копию и к чертовой матери расколошмачу болванку, в которой придется ходить во время миссии. Но сначала я выполню то, чего от меня требуют.

Вечная жизнь учит терпению.

[3]

Кристина.

В санатории «Черт знает где» время завтрака.

Большое помещение с треугольными окнами, выходящими на лес и далекие пики гор, купается в лучах местного солнца. Свет немного зеленоватый, будто мы находимся под толщей воды на самом дне океана.

И некому объяснить, с чем связано это атмосферное явление. Серебряные чудики не отличаются особой разговорчивостью, а дикари — интеллектом. Нет, они вовсе не такие уж и тупые, просто наука, наверное, как выразился тот стремный тип, для них следующий этап. И после того, как только-только освоил язык захватчиков (они же захватчики? или нет?), рано-вато прыгать через пару ступеней вверх. Не все сразу. Словом, мы еще не скоро сможем обсудить третий закон Ньютона или генную инженерию. Сомневаюсь, сможем ли вообще. Мне самой вряд ли хватит познаний. Понадобятся еще какие-то ухищрения, чтобы сделать из меня, простой обывательницы, научное светило.

Пока мы едим, Лили, сидящая рядом, случайно пихает меня локтем, да и вилку она держит очень потешно. Видать, расчудесный чип можно оснастить лингвистическими тонкостями, но не столовым этикетом. Я украдкой повторяю за ней, по-прежнему стараясь сойти за дикарку.

О, это не сложно. Я и в «прошлой жизни» не отличалась манерами, достойными светских мероприятий. Откуда им взяться, если ведешь довольно скотское существование? Никто не приглашал меня в высшее общество. Я освоилась с китайскими палочками для еды, чтобы жрать дешевую лапшу, и на том спасибо.

Врачи настаивали на более полезном рационе, но шаткое финансовое положение не способствовало диете из свежих фруктов и овощей.

Зато здесь они есть. Серебряные чудики выращивают их в соседнем корпусе, куда нам вход заказан. Правда выглядят эти овощи странно, будто начинающие агрономы имеют смутное представление о том, каким должен выйти их урожай. Я долго хихикала, в первый раз увидев фиолетовое яблоко, размером с ладонь, и бананы с мягкой и бархатистой, как у персика, кожицей.

Потому я склоняюсь к тому, что наши «воспитатели» вовсе не люди. Им многое известно о нас — в «школе» вдоволь медиа-материалов, фильмов и роликов, однако им самим не помешало бы подкрепить теоретические познания практикой. Да где ее взять? Даже не догадываюсь, где мы находимся и как далеко от Земли. Быть может, это вообще какая-то параллельная вселенная, куда меня с неведомой целью отправила Тень.

Наверное, загадочной твари это показалось поучительным и забавным, если у инфернальных сущностей вообще есть чувство юмора. У меня есть. Только это и позволяет держаться на плаву в безумных обстоятельствах. И желание докопаться до истины.

Хоть дикари и освоились с языком, мне все равно не очень понятно, о чем они болтают между собой. Вот я и перевожу разговор на темы, хоть сколько-то интересные и полезные.

Лили на станции дольше меня.

Я все пытаюсь вытянуть из нее хоть какую-то информацию о хозяевах этого места.

— А ты видела кого-то из них без шлемов? — Я пихаю ее локтем в ответ, и она роняет кусок неопознанного мяса обратно в тарелку.

Она косится сначала на меня, затем на парочку серебряных верзил, топчущихся у входа. Мы не пленники, но нас хорошо охраняют. Зачем? От кого? Дикари вовсе не порываются сбегать — регулярная кормежка и теплая, безопасная кровать куда приятнее шатания по джунглям, рискуя стать обедом волкотигра или другой неведомой хренотени.

Лили основательно подвисает. Я терпеливо жду, гоняя мясо по тарелке и по волокнам силясь определить, что же это такое. Я как-то не заметила у наших порабитителей ничего, напоминающего ферму с курицами, поросятами или коровами. Скорее всего, мясо каким-то образом произрастает там же, где и овощи, — в таинственном блоке персонала. В пробирке? Печатается на супер-современном 3D-принтере? Боже, как трудно строить предположения, когда научная фантастика никогда не была моим любимым жанром!

— Эй? — Я щелкаю пальцами перед ее лицом. Ее глаза съезжаются на переносице, фокусируясь на моей руке.

— А, — заторможено откликается она. — Да, извини. Я...

— М?

— У нас не было слова «шлем», — объясняет она после паузы. — Нужно было разобратся, о чем ты.

Я киваю с понимающим видом, хотя меня давно подмывает расспросить кого-то из дикарей, как работает чип. Я уже замечала за Лили и остальными некоторые заминки, если упомянуть что-то, неизвестное им до попадания на станцию. Это очень любопытно!

Когда-то мне нравилось читать книги про устройство нашего «процессора» и всякие нейрорштучки. Определенно, у серебряных чувачков крутые технологии. Жаль, что на Земле таких не было. Если бы любой язык или область знания можно было загрузить в голову за секунду, насколько бы проще стала наша жизнь. Я поймала бы донора и сама пересадила себе костный мозг.

Браво, Крис.

— Нет, — наконец отвечает Лили. — Не видела. Они их не снимают.

— И это тебя не пугает? — невинно интересуюсь я. — Ну... они собрали нас тут... а мы не знаем, что там под этими шлемами и доспехами. Вдруг они монстры?

Слово «монстр» она понимает прекрасно. Ее глаза испуганно округляются.

— Да, — признает она, понизив голос. — Я думала об этом. И Дин сказал...

Только не это, — сокрушаюсь я про себя.

Дин все чаще встает между нами, потому стал своего рода проблемой. Моя «подружка» постоянно торчит с ним, и пару раз, вернувшись в комнату не во время, я становилась свидетельницей сцен, которых предпочла бы не видеть. Вуайеризм не входит в число моих фетишей, особенно, если с героями любительского порно потом придется общаться дальше.

Но...

У Лили и Дина, вроде как, любовь, хотя они и из разных племен. Типа, как аватары, что жили в лесу и те, у которых были жабры. Один вид, но куча мелких отличий и нелепых терок между собой.

Лили сцапали недалеко отсюда, ее собратья отличаются блинчикоподобными монголоидными физиономиями и миниатюрным телосложением. Дин с юга — он рослый, совсем смуглый, почти коричневый, и на моей родной планете без труда мог бы сделать актерскую карьеру в «Нетфликс». Я ничего не имею против расового разнообразия в кино и сериалах, он не нравится мне по другой причине.

Дин, как мне кажется, весьма мутный тип. Вряд ли он подозревает, что моего «племени» не существует (вернее, существует очень далеко отсюда), но поглядывает на меня с какой-то подоплекой и, кажется, стремится оградить Лили от общения со мной.

Черта с два у него это выйдет. Мы живем с ней в одной комнате, а парочки вместе не селят. Даже если серебряные чудилы не возражают против бесконтрольного размножения аборигенов (по крайней мере, не возмущаются), у них, кажется, нет понятий о моногамии.

Трахаться трахайтесь, но свадьбу и совместный быт организовать не просите. Дикари прекрасно обойдутся без терминов «ипотека», «материнский капитал» или «брачный контракт» в своем лексиконе.

И слава Богу!

— Что сказал Дин? — спрашиваю я.

— Ничего, — быстро говорит Лили.

Я складываю руки в молитвенном жесте, но она лишь недоуменно поднимает брови.

Христианство на этой планете еще не изобрели и едва ли изобретут, а история религии не входит в учебную программу здешней «школы».

Ладно.

— Пожалуйста, — добавляю я. Это слово ей точно должны были загрузить в башку! Пусть не прикидывается, что оно ей незнакомо, хитрая узкоглазая задница.

— Он говорит, что нам не следует доверять им, — все же заканчивает Лили, — и стоит быть «начеку». А что такое это «чеку»?

Тут я согласна с Дином. Я, вроде как, примирилась с условиями жизни на станции, но украдкой прошупываю обстановку и продумываю план бегства на экстренный случай. Шансы невелики. С жизнью я давно простилась, но одно дело — тихонько помирать от лейкемии, другое — если нас все же решат сожрать или препарировать. Я трусиха. И боюсь боли. А еще не хочу, чтобы какой-нибудь ксеноморф отложил кладку яиц в мое тело.

Короче, все познается в сравнении.

— Не знаю, — вздыхаю я, искренне жалея, что у меня нет интернета под рукой, чтобы погуглить, откуда взялось выражение «быть начеку». — Пойдешь на прогулку?

— Да... но... — мямлит Лили.

Ясно.

— Мы договорились с Дином, — виновато говорит она.

— Понятно, — вздыхаю я. — Ладушки! Хорошо вам погулять. Привет ему, кстати.

До того, как Лили спросит меня, что я имею в виду под «привет», я хватаю со стола маленький пузырек масла, прячу в рукав пижамы и направляюсь к выходу. Понятия не имею, что это за масло, но для того, что я задумала, сгодится любое.

Я догадываюсь, что Лили с Дином не пойдут на прогулку, а отправятся в нашу с ней комнату, чтобы потрахаться. На его территории это почему-то не происходит.

Я не ханжа и не собираюсь портить им «свидание» лишь потому, что считаю Дина мудак-ком. Он, вероятно, вовсе не мудак, просто мы взаимно друг другу не нравимся. Мне никогда не нравились парни моих «подруг». А что до него... Я вполне могу понять, почему не внушаю Дину симпатии. Я... как бы это сказать? Веду двойную игру? Не совсем, но относительно близко к правде. Я выдаю себя за дикарку, но я не одна из них. У меня куда больше общего с блестящими болванчиками, чем с аборигенами.

«Болванчики» имеют хоть какое-то представление о цивилизации, что меня взрастила.

Опустим, что под их скафандрами могут прятаться щупальца или другая жуть.

К слову об этом.

Один из них явно меня в чем-то заподозрил. Они все похожи, но отчего-то мне кажется, что это тот самый, что словил меня за чтением Гете в первый день. Читать Гете, бесспорно, страшное преступление. Не дай Бог это подтолкнет меня к поиску истины или впадению в экзальтированный религиозный экстаз.

С тех пор серебряный черт всюду ходит за мной.

Я периодически натыкаюсь на него в коридорах (него, как я думаю), в столовой, в «школе» и в медотсеке. На прогулках он держится чуть поодаль, но я все равно фиксирую его блестящие «латы» периферийным зрением. Мой футуристический сталкер и сейчас топчется в кустах, а я не раскатываю губу, надеясь, что под маской найдется обаятельный Пенн Бэджли.

Быть может, чужаку любопытно наблюдать за мной, потому что я веду себя нетипично для аборигенов?

Если бы у дикарей были интернет и социальные сети, меня бы прозвали «нетакусей».

Я ухожу подальше — к самому краю территории, примыкающей к исследовательской станции, и забираюсь на огромный валун, поросший голубым мхом. Камень теплый, а мох мягкий, так что валяться здесь одно удовольствие. Я совмещаю приятное с полезным — читаю сташенную из «школы» книжку и загораю. Мне плевать, что лучи местного солнца могут быть губительны для кожи. Скорее меня прикончат из-за того, что я слишком отличаюсь от остальных, чем это сделает какая-нибудь радиация. Моя европейская кожа слишком выделяет меня на общем фоне, и, хоть мне всегда нравилась «аристократическая» белизна (не синюшная, как во время болезни), ей придется пожертвовать. Ассимилироваться необходимо в срочном порядке.

Я могу кормить сказками аборигенов, но не серебряных болванчиков. Вдруг эти ушлые гады прочешут всю планету и, так и не отыскав других бледнолицых, раскусят обман?

Я стаскиваю пижаму и, оставшись в одном тонком белье, щедро намазываюсь маслом. На Земле утверждали, что так загар лучше «липнет» и дольше продержится. Это и правда работает. За несколько недель ежедневной практики я чуть-чуть, но посмуглела. И, вроде как, не схлопотала в довесок к лейкемии еще и рак кожи.

Больше рака богу рака.

Хорошо, что я способна смеяться над собой!

Потянувшись за книжкой, я снова замечаю своего преследователя. Он топчется за деревом в десяти шагах от меня, и визор шлема, конечно же, обращен в мою сторону без тени стыда. Ну, как я думаю. Не стоит исключать, что он спит или смотрит мультики, выведенные изнутри на темное стекло.

Меня вдруг посещает сумасбродная идея это проверить.

— Эй! — зову я. — Вы можете мне помочь?

Я так и не придумала, как к ним обращаться. «Серебряный чувак» — как-то странно, тем более слово «чувак» вряд ли необходимо аборигенам в быту, «мистер» — тупо, «товарищ» — отдает нотками коммунизма. «Господин, повелитель, поработитель» — вызывает во мне внутренний протест. «Эй» — не очень вежливый, но более-менее нейтральный позывной.

Они сами виноваты — могли бы хоть как-то себя обозначить. Я уж не говорю о том, чтобы представиться и объяснить, кто они такие и что им нужно от бедных дикарей, кроме крови и принудительного насаждения своих языка и порядков.

«Серебряный чувак» неслышно подплывает ко мне. Все-таки их манера передвигаться, не тревожа даже траву, весьма настораживает.

Зачем им это, если они не хищники?

— Что вам нужно? — скрипит роботизированный голос.

Я вытягиваю руку с пузырьком масла и поворачиваюсь спиной. Мне не страшно подставлять ее — хотели бы убить, давно бы оторвали мою глупую голову.

— Не хочу обгореть, — заявляю я, надеясь, что фраза достаточно простая для первобытной девахи, только вчера узнавшей слово "гореть". — Помажьте мне спину, пожалуйста.

Я уверена, что, если у чужака под шлемом есть рот или иное отверстие с похожим назначением, от такой вопиющей наглости он бы его открыл. Он же, в конце концов, не мой личный слуга. Скорее всего, он на самом деле прохлаждается тут, чтобы уберечь меня от нападения волкотигров.

Точно не для исполнения идиотских прихотей.

Однако он не спорит, а забирает у меня масло. Далее следует некоторая пауза, когда я отмахиваюсь от неведомых насекомых и чувствую себя донельзя глупо. А после моих плеч легко касаются пальцы. Или щупальца в перчатках, изображающих пальцы. Не разберешь.

Одно я знаю точно: этих ребят не сгенерировала нейросеть, количество отростков на их руках соответствует общепринятым человеческим нормам. И притрагиваются «отростки» приятно, ласково и осторожно. Первый контакт совсем невесомый, словно птица задела меня своим пушистым крылом, но постепенно серебряный чудик смелеет и приступает к исполнению просьбы со всей ответственностью. Он выводит узкие круги, равномерно распределяя масло по коже там, куда мне не дотянуться.

Дьявол.

Я жмурюсь от удовольствия и сокрушаюсь:

Что, во имя всего святого, я натворила?

Этот приемчик я позаимствовала из порнографической литературы, что иногда почитывала в своей прошлой жизни. Как правило, за натиранием маслом или солнцезащитным кремом всегда следовали сцены яростных совокуплений. Или нежных совокуплений. Не важно. В любом случае, что это, если не попытка соблазнения?

А я вовсе не нарывалась на соитие с непонятным созданием, просто хотела посмотреть, как оно поведёт себя. Любопытство стубило кошку.

Что там под доспехами?

Я размышляла об этом, но не в таком ключе и не в таких обстоятельствах.

Во всем виновата Лили, — думаю я, поразившись направлению собственных мыслей.

Я была уверена, что мое либидо умерло задолго до меня, но эта узкоглазая негодяйка воскресила его к жизни, наглядно продемонстрировав прелести плотских утех.

Тело реагирует на выпрошенную ласку — руки покрываются мурашками, а внизу живота разливается тепло. Я ерзаю на месте и, повернув голову, краем глаза вижу кисть над своим плечом. Без перчатки. Бледную, еще бледнее меня, длиннопалую человеческую кисть с аккуратными короткими ногтями. Рука явно крупновата для женской.

Пальцы, блестящие от масла, замирают над кожей.

Чужак понимает: я заметила, что он снял перчатку, вероятно, чтобы не вымазать ее в чертовом масле.

— Зачем вы это делаете? — спрашивает он.

Я готова поставить все, что у меня есть (парочку стащенных книг и еще одну заныканную бутылку масла), на то, что он говорит это, чтобы сгладить неловкость. Сцена очень неловкая. Пусть это я сижу тут, раздевшись до белья, которое мало что скрывает, но обнаженным себя чувствует серебряный чудик, снявший перчатку. Вряд ли его за это похвалят.

Это почти талант: я умею не только искать неприятности на свою голову, но и навлекать их на окружающих.

— Делаю что? — спрашиваю я совершенно искренне.

Я не понимаю, о чем он. Зачем я разделась? Зачем обмазалась маслом? Зачем пристала к нему и провоцирую, сама не понимая, чего добиваюсь?

— Зачем сидите здесь каждый день, — отвечает голос, искаженный вокодером шлема. — И зачем масло?

Бинго. Третий пункт он предпочел опустить. И без того очевидно.

Не отступай, — подначивает меня каверзный голосок в голове. В любом случае сворачивать с намеченного пути уже поздно. Я или очень серьезно влипну, или получу какие-то ответы. Вариант добровольно-принудительного совокупления с пришельцем исключать тоже не стоит. Не знаю, что насчет «серебряного чувака», но я, кажется, возбудилась от того, как ласково он обходится с моей спиной.

Это гребанный ад.

Но я не виновата, что в последний раз занималась сексом за год до того, как залезла в ванну со стаканом кровавой Мэри. Нет, может, и виновата. Но у меня была депрессия, а

случайные кавалеры из «Тиндера», намекавшие, что раз они изволили заплатить за ужин, то я обязана его «отработать», не вдохновляли на дальнейшие эротические приключения.

В любом случае это не повод искать их здесь.

Ни с дикарями, ни с жуткими чудилами в скафандрах.

Нонсенс, что я вообще размышляю об этом и оправдываюсь, будто чужак может меня слышать.

Я поворачиваюсь к нему лицом, совсем позабыв, что продемонстрирую во всей красе предательски затвердевшие соски. Моим вниманием всецело завладевает его рука. Кожа гладкая — ни морщин, ни родинок, ни пигментных пятен, ни волосков, ни шрамов. Ногти чистые. Слишком чистые, словно он явился сюда напрямую из операционной.

— Я хочу меньше отличаться от остальных, — честно заявляю я.

— Зачем?

Какой глупый вопрос. Я пожимаю плечами.

— Мои соплеменники белые, — зачем-то сообщаю я, ступив на опасную территорию беспросветного вранья, в котором слишком легко заплутать, — а остальные здесь нет.

— Где живет ваше племя? — спрашивает «серебряный чувак».

И кто меня только за язык тянул?!

— На севере, — тут же нахожусь я.

Я всегда говорю так, если об этом заходит речь. «Север» — понятие растяжимое, мало ли, где он находится. Может, мы вообще живем под землей, в норах, как крысы. Вот и объяснение бледности кожных покровов и другим странностям. Я ловко придумала. Самой нравится.

Я жду реплику в духе «пиздишь ты, подруга, мы были на севере, и там никого нет», чтобы поведать в ответ свежую присказку про норы, но чужак молчит. Его бледный палец тычется мне в ключицу и ведет по коже, оставляя масляный след.

— Это тоже есть у каждого в вашем племени? — интересуется он.

Я опускаю глаза, пытаюсь понять, о чем это он. Ключицы, как и соски, без сомнения, имеются и у других аборигенов, но...

Веснушки. Долбанные веснушки! Природа смиростивилась, осыпав ими только плечи и грудь, но я, раздевшись, сама явила их своему надзирателю.

Я теряюсь от вопроса, но вовремя вспоминаю, как обычно подвисает Лили, если ее спрашивают о чем-то, чего она не знает. У меня есть в запасе минута-другая, чтобы посидеть с бессмысленным лицом и подумать, как выпутаться.

— Д-да... — бормочу я. — У всех-всех.

— Как называется ваше племя?

Дьявол. Я не смогла придумать адекватное название для волкотигра, куда мне изобрести что-то для несуществующего племени?

Да еще и изобразить манеру изъясняться, принятую у дикарей. Сомневаюсь, что мой речевой аппарат вообще способен выдавать такой диапазон звуков. В результате я жалко BLEЮ себе под нос что-то нечленораздельное. Надеюсь, сойдет. Вроде как, маска кивает, удовлетворившись ответом.

Ну, я так думаю. Предвосхищая еще какой-нибудь вопрос, я закапываю себя еще глубже.

Так делают все в моем «племени». Мы же живем в норах!

— А ваше? — любопытствую я.

— Наше? — уточняет «серебряный чувак». Его доспехи отражают солнечный свет, и мои глаза уже устали созерцать их в непосредственной близости. Его кисть передо мной начинает расплываться в одно сплошное белое пятно. Вероятно, мне напекло макушку. Стоило озабочиться не только маслом для лучшей прожарки, но и головным убором.

— Ваше племя, — пискляво говорю я.

Я практически сделала то, на что еще не осмеливалась, — прямо спросила, кто они такие. Но до этого момента я не видела и дюйма кожи, а тут мне продемонстрировали целую руку! Не важно, что она может быть прикручена к телу какой-то склизкой твари, просто потому, что работать на исследовательской станции шупальцами может быть неудобно.

Да прекрати ты думать о щупальцах, — приказываю я себе. Это становится похоже на идефикс, а хентай меня прежде совсем не воодушевлял.

О, боги!

— *Наследники*, — отвечает мой собеседник, пока я подавляю нездоровые фантазии, наводнившие мой помутившийся разум. — Мы зовем себя так.

— Наследники... — глухо повторяю я. — И что вы унаследовали? И от кого?

Скорее всего, я не звучу, как одна из аборигенов, но сказанного не воротишь назад, как и сделанного. Сегодня я натворила рекордное количество глупостей. Спасибо, что «серебряный черт», чужак, наследник, как там его, продолжает со мной говорить и еще не вырубил меня своим футуристичным оружием.

Почему, кстати, он это делает? Потому что я фактически показала ему сиськи? На Земле это открывало многие двери, но мы не там. Это что, рабочая схема везде и всюду? На всех планетах, во всех вселенных?

— Мы унаследовали достижения цивилизации, которой больше нет, — говорит он. — Теперь наша очередь передать их дальше. Но это долгий процесс.

— И для этого вы собираете нас на станции?

— Типа того.

Слава сиськам!

Благодаря им я получила больше ответов, чем за все время пребывания в исследовательском центре. С этого и стоило начинать. Я все еще не имею понятия, кто эти серебряные чудилы, но хотя бы знаю, для чего дикарям языковые чипы и «школа».

Однако, в целом, мне не нравится услышанное. Кем бы ни были эти «наследники», они «передают» нам нажитое людьми. Это люди, выходит, сгинувшая цивилизация. Но что же произошло? Какой сейчас год? Где мы?

Я почти готова хаотично сыпать вопросами. Но, вероятно, вид у меня такой обалдевший, что «наследнику» становится меня жаль. Хватит с меня шокирующих сведений. Он протягивает мне масло и принимается натягивать перчатку. Длинные бледные пальцы исчезают в матовом серебре. Я тупо пялюсь на нагрудные пластины его брони.

— Всему свое время, — заключает он. — Вам пора возвращаться в жилой корпус. В эти часы ультрафиолетовые лучи опасны для кожи.

Ультрафиолетовые лучи. Я не ослышалась.

Я растеряна, смущена и нокаутирована той крупницей правды, что мне удалось из него вытянуть, но все же подмечаю подвох. Едва ли он сказал бы «ультрафиолетовые лучи», общаясь с кем-то из дикарей. Я так думаю, потому снова покрываюсь мурашками. Это уже не возбуждение. Это страх, липкий, парализующий, расползающийся от загривка до стоп.

Ему известно, что я не одна из аборигенов?

Кожа горит, пока я натягиваю пижаму, оставляя на светлой ткани маслянистые пятна. И все это время мне кажется, что я чувствую взгляд «наследника» через темное стекло его шлема.

Наблюдая за окном кислотную палитру заката, я внимаю болтовне Лили и думаю, что хоть все на этой планете в корне отличается от того, к чему я привыкла, кое-что общее с прежней жизнью все-таки проглядывается. А именно — подруги и их «дела сердечные».

Я была отличной жилеткой для слез, слушателем и бесполезным советчиком. Самой мне нечего было рассказать. Я давно решила, что не найду мужчину, соответствующего моим высоким стандартам, эдакого рыцаря в сияющих доспехах (это правда смешно — получите, милочка, целую толпу придурков в доспехах!), потому охотно сопереживала чужим любовным драмам. Вот я и сгодились кому-то в качестве свободных ушей и на этой странной планете.

Лили обрисовывает мне суть проблемы:

— В их племени принято иметь сразу несколько жен, — название племени она упоминает, опять перескочив на язык дикарей. — У Дина уже есть жена из своих. Он хочет, чтобы я стала ему второй женой. Но у нас так не принято.

Гребанные полиаморы, — подмечаю я. Впрочем, чего еще ждать от общества с первобытными нравами? Короче, я на стороне Лили и ее моногамного узкоглазого племени, хотя оно, как я поняла из ее рассказов, куда более отсталое, нежели то, что практикует многоженство.

Я чуть не спрашиваю, не изволит ли Дин развестись с первой супругой, раз ему так приглянулась моя подруженька?

Вряд ли аборигенам загрузили в головы слово «развод».

— Но вы здесь, — вместо этого напоминаю я. — Разве важно, что там у Дина было до станции?

Лили сосредоточенно жует губу. Она перестает мерить нашу комнату нервным шагом и плюхается на свою койку. В ее изголовье стоит букетик местных цветов — то ли собранный самой Лили, то ли подаренный ее «ухажером». Имей я уверенность, что это — дело рук Дина, давно выбросила бы цветы на улицу. От их запаха, сильного, тяжелого и плотного, раскаляется голова. Да, я та редкая девушка, что не любит цветы и плюшевые игрушки. Наверное, потому у меня на Земле и не было парня, и некому было бы всплакнуть на моей могилке, откинься я от лейкемии.

— Наверное... — бормочет Лили. — Он хочет вернуться.

— Чего? — оторопело переспрашиваю я. — Как это? Типа сбежать?

Вот это уже интересно!

Лили пожимает плечами, и ее миловидное личико делается озадаченным и печальным.

Кажется, это нравится ей еще меньше, чем соперница, вставшая между ней и этим цветным мудаком. Лили сама говорила, что «на воле» ей приходилось непросто. Бегать по лесу, охотиться на каких-то крыс и рисковать самой стать чьим-то ужином — приятного мало. Я успела оценить быт дикарей, пока недолго слонялась с ними по джунглям. И я еще молчу о чудилах, что каждую ночь пытались сцапать нас, наводя на бедных аборигенов смертный ужас одним своим «модным» прикидом.

— Он не объяснил, — вздыхает Лили, — но сказал, что мы же здесь не навсегда?

Так-так-так.

Дину явно что-то известно, как минимум, больше, чем мне.

Я сажусь на свою кровать и пристально смотрю Лили в лицо. Она отводит взгляд. Ну давай, девочка! Что мне нужно сделать, чтобы ты поделилась со мной тем, что выболтал твой дружок?

Сиськи тут не сработают. У нее они тоже есть и побольше моих.

— Почему он так сказал? — тороплю я.

Лили молчит. Она ложится, накрывается одеялом и отворачивается к стене, давая понять, что наш разговор окончен. Ей нужно побыть «наедине с собой» и погрустить из-за разбитого сердца. Оно же разбито? Я не уверена.

На следующий день я отлавливаю Дина в «школе». Он усиленно делает вид, что медиа, посвященный первобытным орудиям труда, интересуется его куда больше моего презренного общества, но я настырная. Я стягиваю с него наушники и дергаю его за плечо.

— Эй, — говорю я. — Есть минутка?

— Чего тебе? — не очень-то дружелюбно откликается он, сверля меня взглядом. Поди остерегаешься, что я пришла предъявить ему обвинения за Лили. Как я поняла из ее жалобной отповеди, он сообщил о наличии жены после того, как несколько недель подряд они весело забавлялись в нашей комнате и всех укромных уголках станции. Будь мы на Земле, я взаправду дала бы ему в наглую рожу. Но мы не там, а он располагает сведениями, которых я жажду. Да и борец за добро и справедливость, признаться, из меня паршивый.

Я доверительно склоняюсь ближе, краем глаза прикидывая расстояние до ближайшего серебряного чудика. Он мнется у входа. Мой «сталкер» тоже здесь — изображает статую у окна. Не удивлюсь, если в их шлемы и правда встроены экраны, транслирующие сентиментальные мелодрамы про жизнь их склизких собратьев с щупальцами.

— Почему ты сказал Лили, что мы здесь не навсегда? — шепотом спрашиваю я.

Дин сжимает челюсти так сильно, что на шоколадной коже проступают желваки и контуры зубов.

— Не здесь же, — бурчит он.

— Просто ответь, — сердито требую я.

— Ладно, — сдаётся он. — Отсюда будет лучше убраться.

— Почему?

Я вздрагиваю, когда первые капли дождя бьют по оконным стеклам. Звук кажется мне недобрый предзнаменованием, да и в целом я еще не наблюдала осадки на этой планете и не знаю, как на них реагировать. Вдруг эти плотные изумрудные облака несут в себе серную кислоту, а не влагу?

— Мы в опасности, — заявляет Дин, усугубляя мой безрадостный настрой.

— Почему?

— Кое-кто пропал, — отвечает он, но на этом его готовность что-то мне втолковывать иссякает. — Помалкивай об этом, ты! — он вставляет слово на языке аборигенов, скорее всего, крайне оскорбительное. — Ясно?

— Ясно, — соглашаюсь я.

Я украдкой бросаю взгляд на своего «сталкера» и думаю, что кое-что мне действительно ясно. Раз уже и аборигены напряглись, то пора как можно быстрее продумывать пути к отступлению. Знала бы я еще, куда отступить.

В лес к тигроволкам? Сойдет.

Их поведение хотя бы вполне предсказуемо — они просто хотят нас сожрать.

А что нужно «наследникам» от аборигенов по-прежнему остается загадкой.

И я отчего-то совершенно не верю в их благие намерения.

К счастью, ненастье ограничивается несколькими днями, что мы вынуждено проводим взаперти, пока по крыше и окнам лупят струи ливня. Разговор с Дином дал мне повод достаточно себя накрутить, и я сошла бы с ума от тревоги, растянишь заточение на больший срок. Например, месяц или целых полгода, если бы на этой планете было что-то вроде сезона дождей.

Стоит местному Солнцу вернуться, я снова тащусь принимать ультрафиолетовые ванны. На самом деле я планирую использовать их в качестве прикрытия, ведь мой преследователь уже знает об этой странной привычке, а сама рассмотреть лес вокруг станции на предмет забора или каких-то охранных устройств.

Мало ли, что есть в арсенале у продвинутых серебряных чудиков? Лазеры? Турели? Противопехотные мины? Тут, как назло, моя память подбрасывает немало зловещих образов из массовой культуры, и я дорисовываю картины своей жуткой, мучительной и очень бессмысленной смерти.

После дождя в лесу так сыро, что трудно дышать, а широкие листья диковинных растений покрыты влагой. Из-за красноватого оттенка местной флоры эти капли кажутся кровью. Мне и без того не по себе. Я жалею, что не располагаю хоть каким-то оружием, кроме очередной ворованной бутылочки масла.

Я дохожу до своего «любимого камня» и оборачиваюсь проверить, идет ли «сталкер» за мной. Ага, его серебряная чешуя ненавязчиво маячит за деревьями.

И свезло же мне обзавестись инородной тенью! — мрачно думаю я. В моем мозгу уже не возникает ассоциаций с другой тенью, явившейся в ванную комнату, пока я предавалась жалости к себе. Это было слишком давно и в другой жизни. Я гадаю, сколько времени еще понадобится, чтобы я совсем забыла, что когда-то жила на Земле?

А есть ли у меня это время?

Все было бы куда проще, не окажись Дин такой мутной, скрытной задницей. С его стороны было бы очень мило объяснить, почему он вдруг так напрягся из-за чьего-то исчезновения. Что вообще значит «кто-то пропал»? Что именно видел Дин? И что знает?

Эгоистичный кусок дерьма! Поди планирует смыться один, бросив бедную Лили на произвол судьбы, чтобы вернуться к своему племени и ненаглядной женушке. Я уж не говорю про себя — я не пригласила его в свою койку, а значит, не заслуживаю права на спасение. Гребаные мужики!

Ладно.

Я разберусь сама.

Только для начала мне стоит избавиться от «хвоста». И, чтобы это сделать, я принимаюсь избавляться заодно и от одежды. Быть может, вид бледной, как бройлерный цыпленок в морозильном отделе супермаркета, тушки дикарки отпугнет моего сталкера. Одно дело — шпионить, другое — лицезить тощее, невыразительное тельце с тупыми веснушками. Я надеюсь на это, хотя не исключаю обратного эффекта от своих действий. Вдруг серебряный верзила преисполнится и сочтет это за приглашение одарить меня своей инопланетной любовью?

Ебанный ад!

В этот раз я снимаю даже белье. Сырой воздух оседает на теле, как вторая кожа, и я неуклюже поглаживаю себя по плечам, стряхивая фантомное ощущение влаги. Украдкой я ищу глазами серебряное пятно — оно застыло среди алых листьев, но с такого расстояния не разобрать, направлен ли в мою сторону визор его шлема.

Я повторяю каждодневный ритуал и натираюсь маслом. «Сталкер» не приближается, чтобы предложить свою помощь. Похоже, с него хватило и прошлой нелепой сцены.

Усевшись голой задницей на выстудившийся камень, я смотрю, как надо мхом вьется легкий дымок испаряющейся воды. Задумавшись, я разгоняю его ладонью.

«Сталкер» все еще торчит в кустах.

Умница. Вот там и стой, смотри свои мультики или что там. Я вовсе не замышляю ничего, достойного твоего внимания. Просто сижу, греюсь на «солнышке». Да-да-да.

Я тянусь к своим вещам, будто собираюсь достать припрятанную книжку, но на самом деле, чтобы схватить их, и резко сигануть наутек. Я не собираюсь слоняться по джунглям голышом. Я оденусь, как только пойму, что оторвалась.

Расталкивая плотные, жесткие листья, я бегу вперед, в направлении противоположном тому, где находится станция. Все глубже и глубже в лес. Босые ступни увязают в рыхлой после дождя земле, и я запоздало понимаю, что оставила обувь у камня. Ничего. Это не будет иметь никакого значения, если мне удастся сбегать и вернуться к быту дикарки, прибившись к какому-то племени. Они не умеют изготавливать обувь, а одежду мастерят из листьев и лиан. Если я хочу втереться к ним в доверие, нужно выглядеть, как они. Не как беглянка, вырвавшаяся из лап просветленных поработителей.

Я перепрыгиваю ручей, обронив масло и, кажется, какой-то из предметов своего гардероба, но не сбавляю скорости. Я все равно решила пожертвовать этими атрибутами цивилизации.

Лес становится темнее. Кроны плотно смыкаются над головой, не пропуская в чашу зеленоватый солнечный свет, а стволы все чаще встречаются на моем пути. Огибая их, я теряю драгоценное время. Корни, тут и там торчащие из земли, не способствуют успеху, словно играя на стороне серебряных гадов. Конечно, они не потрудились обнести свою станцию хотя бы неким подобием забора: попробуй пробраться через этот лес и не свернуть себе шею.

Я цепляюсь за что-то пальцами на ногах и лечу вниз. У меня не было шанса продолжать эту гонку: дыхание сбилось, а от недостатка кислорода перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Зря я все-таки пренебрегала спортом и физической подготовкой. Но мне и в голову не могло прийти, что однажды от этого будет зависеть моя жизнь, что я буду сидеть в грязи, раздетая, среди стремного леса, преследуемая сомнительной персоной в серебряном скафандре.

И еще кое-что.

Я совсем позабыла, что лес полон и других опасностей. Например, волкотигров. Или тигроволков — я так и не решила, как их называть. Сейчас эта тварь взирает на меня из темноты между деревьев голодными желтыми глазами и шаг за шагом, крадучись, сокращает расстояние до добычи.

Добыча, кстати, это я. Я себе не завидую. Я уже видела, как эти иглоподобные зубы вонзаются в плоть аборигенов, отбившихся от группы во время нападения этого крупного, смертоносного зверя.

Я закрываю глаза, готовясь все-таки встретить свою кончину, и мысленно умоляю волкотигра не растягивать удовольствие, а начать с жил на моей шее, чтобы я побыстрее истекла своей дурной кровью. Но его клыки не перебивают моей артерии.

Кажется, у волкотигра находятся другие дела. Я слышу шум и сердитый рык зверя.

Недоверчиво разлепив веки, я вижу комок из полосатой шерсти твари и серебра за деревьями. А вот и мой личный телохранитель! И, если его не прикончит волкотигр, он прикончит меня за то, что опять втянула его в неприятности вместо того, чтобы вести себя, как нормальная дикарка, чинно прогуливающаяся по периметру.

Тигроволк издает жалобное поскуливание подобно кошке, которой прищемили дверью хвост, и бросается наутек. Серебряное пятно остается на месте. Я жду, но он так и не двигается.

— Дьявол, — бормочу я себе под нос.

Доигралась. Добегалась. Мне было весело, а пострадал бедный серебряный болванчик.

Разумнее было бы и самой убраться восвояси, воспользовавшись тем, что мой «сталкер», скорее всего, без сознания (или мертв?) и не пустится за мной вдогонку. Но любопытство оказывается во мне сильнее инстинкта самосохранения.

Я подбираю штаны от пижамы — последний уцелевший предмет одежды, пусть и основательно вываленный в грязи, натягиваю их и осторожно подкрадываюсь к «серебряному чуваку». Он неподвижно лежит на спине, распластав длинные конечности на земле.

Неужели и правда скончался?

Палочкой, что ли, его потыкать, чтобы очнулся?

А мне это нужно?

На крошечной полянке не видно следов крови — ни обычной, человеческой, ни зеленой, пузырящейся, какая, по моим представлениям, течет в жилах пришельцев. Латы на груди чужака поцарапаны, но, вроде как, это все повреждения, которые я могу видеть, не переворачивая его на другую сторону.

Уходи, — умоляю я саму себя. Хоть один гребанный раз не нарывайся. Побудь хорошей девочкой.

Нет. Это задача, которая мне не по силам. В голове уже сама собой возникает нужная цитата:

«Пусть я умру — явись передо мной!»

Я суетливо ощупываю маску под подбородком серебряного мертвяка, где, наверное, должны располагаться застёжки. Не прикручен же он к голове? Перчатка же снималась! Я дергаю и тяну вверх, отчего шлем оказывается в моих руках, и я замираю, стискивая трофей так, что белеют костяшки пальцев. Не зря.

Первое, что делает «наследник», открыв глаза, — вполне себе человеческие глаза — так это крепко и, надо признать, грубо хватает меня за запястья, намереваясь вернуть себе отжатый предмет экипировки.

Поздно.

Я уже его вижу.

[4]

Филип Марлоу.

Я не сразу понимаю, что с моим каром что-то не так. Привычка к маневрированию в плотных транспортных потоках Оккам-Прайм давно отточена до автоматизма, что позволяет не отвлекаться от собственных размышлений на дорогу. Сумбур в мыслях у меня еще тот и без последствий межпланетного перелета. В такие моменты я радуюсь, что мы — не люди, и, кроме остаточной боли в висках, прыжки на огромные расстояния толком не сказываются на самочувствии. К мигрени вполне можно приноровиться, не прибегая к воздействиям чипа на нервные окончания. Их мало, но они есть.

Акаши пытается меня предупредить, но я отмахиваюсь от нее, как от навязчивой мухи.

Мощность двигателя падает, — говорит она. — *Вы заметили?*

Конечно, заметил, — бурчу я про себя и принимаюсь дальше прокручивать в голове разговор с Луизой Ришар, встречу с Офелией и прощание с Сэмом, проверяя, не упустил ли какие-то важные для дела детали. Детали — нет, а вот мощность кара и правда заслуживала моего внимания. Он резко ухает вниз, в бездну сотен этажей Оккам-Прайм, и мне едва удается выровнять его на нормальную высоту, чтобы приземлиться на крыше своего дома.

Приземление не назовешь мягким. Корпус из нано-керамики скребет по покрытию парковки, оставляя черные борозды. Внутри двигателя что-то гудит и щелкает. Кое-как машина тормозит в жалких дюймах от соседнего транспортного средства.

На грохот выбегает комендант дома и грозит мне кулаком.

— Марлоу, мать твою! — орет он, перекрикивая шум умирающего мотора. — Кто только тебе права выдал?

— Закрой рот, тупая болванка, — бормочу я себе под нос. Я окидываю взглядом приборную панель и проверяю бортовой компьютер.

Акаши... — чуть виновато зову я. — *Что стряслось?*

Она мигом сканирует систему. Вернее, докладывает о том, что, скорее всего, успела заметить раньше, когда я не готов был ее слушать.

Повреждение механического характера, — подсказывает она, и я невольно воспроизвожу фразу в голове с обиженной интонацией. — *Неисправен шланг топливного насоса. Тормозная...*

Достаточно, — обрываю я.

Я вываливаюсь наружу. Воздух сухой, жаркий и пахнет жженой пластмассой, как и всегда в Оккам-Прайм, где слишком много машин и другой техники, выделяющих в атмосферу тепло. Это намного приятнее болотных испарений заплесневевшего сырого Некрополиса.

Нижняя крышка корпуса поцарапана. Открыв ее, я вижу перекушенные провода и протечку того самого топливного шланга. Комендант, приблизившись, выглядывает из-за моего плеча с видом настоящего знатока. Он успел позабыть о своем недовольстве.

— А, — снисходительно роняет он, почесывая гладкий подбородок. — И где парковались?

— Возле космопорта, — хмуро откликаюсь я.

— Странно, — заключает андроид. — Ну... мало ли, опять шарились в каких-то трущобах, босс. Там, понятное дело, всякое хулиганье. С каких пор они шустрят в приличных местах?

— Не знаю, — отмахиваюсь я.

По правде — знаю. Знаю, что он ошибается в своих предположениях, но не вижу смысла делиться своей догадкой. Догадка паршивая, а бедняге ни к чему забивать свою оперативную память проблемами, которые его все равно не касаются.

Кто-то специально испортил мой кар. Кто-то, осведомленный о моей встрече с Луизой Ришар и знающий, что я загляну домой, прежде чем отправиться на новую миссию. Опасную миссию, если она началась с попытки покушения. Тянет ли это на покушение? Возможно, недоброжелатели не были осведомлены, что мое сознание не отцифровано, и намеревались ограничиться предупреждением. Или...

Прекрати, — осаживаю себя я и обращаюсь к Ашаки:

Я параноик, да?

Она не отвечает, видимо, оскорбившись на неуважительное отношение. Она же сразу поняла, что мне угрожает опасность, а я малодушно проигнорировал непрозрачный намек на неисправность транспортного средства. Сам виноват.

В лифте я на всякий случай снимаю бластер с предохранителя, но в квартире никого нет.

Можно было бы заподозрить присутствие посторонних по царящему здесь бардаку, но он образовался задолго до гипотетического обыска. Как правило, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы держать свое — жилище? — место обитания в чистоте. Я и заглядываю сюда не так чтобы часто. Получив известие о произошедшем с Сэмом, я сорвался в Некрополис, не соизволив выбросить даже использованный контейнер от смеси.

В морозильной камере находится еще один, но он тоже пуст. Я швыряю их вместе с предыдущим в шахту ресайклера, толком не проверив, правильно ли выставлена категория сырья для переработки, и, опершись о столешницу кухонного островка, смотрю в окно.

Если бы я был человеком, то, вероятно, после неприятности с каром меня захлестывали бы волны адреналина. Но я просто смотрю, прокручивая в голове мгновение свободного полета, когда управление машиной было потеряно. Скучно до тошноты. Вероятно, поэтому другие наследники и ищут способы пробудить в себе хоть какие-то ощущения и сильные чувства, временами впадая в своем стремлении в крайности.

Иные заходят так далеко, что границы стираются. Воздвигаются новые, разделившие наш вид на блаженно-счастливых обитателей Гелиотрона, кровожадных культистов Некрополиса и... всех остальных, обосновавшихся здесь, в Оккам-Прайм. Недаром, ни в одном из других поселений не нашли такого распространения пресловутые синтетические наркотики.

Но оно и хорошо. Я сидел бы без работы. Точнее, наверное, опять добровольно отправился бы в спячку на сотню-другую лет. А пока мне даже в «отставке» от официальной службы есть чем заняться. Например, ловить крысу для загадочной Луизы Ришар.

Проверив планшет, я вижу, что ее подручные уже успели скинуть мне огромный объем информации, необходимый для дела, но, открыв первую же папку, я понимаю, что от голода уже мутятся мысли. Для начала не помешало бы закинуться смесью, а потом уже вникать в профили каждого, кто задействован в эксперименте конвента.

Кто они все же такие?

Акаши...

И хоть всезнающей нейросети уже явно надоело играть в обиженного ребенка, она не успевает ответить. Загорается экран домофона. Я не верю своим глазам и опять хватаюсь за пушку. За дверью не может топтаться она.

Или может?

— Что... — бормочу я, так и не сформулировав вопрос.

Офелия — во плоти — протаскивает под моей рукой в квартиру. В своей родной — родной ли? или просто приближенной к изначальной? — оболочке она куда ниже, чем в кукольной болванке с Гелиотрона. Ее кожа снова цвета тумана, а глаза, как и прежде, зеленые с бирюзовыми прожилками. Вместе с ней в квартиру wpłyвает запах духов, прохладных и меланхолических, как ее сущность.

— Ну и свинарник тут у тебя, — ворчит она, окидывая скромное убранство взглядом, и поясняет, предвосхищая дальнейшие расспросы. — Я перенесла разум в оболочку, что хранилась здесь.

— А твои куклы? — вырывается у меня. — И та... тушка...

— Мари, Пьер и мое другое тело в спячке, летят домой, — откликается она. — Зачем спрашиваешь, если тебе нет до них дела?

— Проявляю вежливость, — признаюсь я.

Я по-настоящему обескуражен ее появлением, а она, напротив, чувствует себя здесь хозяйски. Мы словно вернулись на триста лет назад. На постели — все те же черничные простыни, чистые, но изрядно запылившиеся из-за того, что мне они, по большей части, без надобности. Я намного комфортнее чувствую себя в капсуле для сна с подогревом, нежели в пустой, холодной постели. Просто в обществе Оккам-Прайм принято иметь кровать, как некий символ достатка и благополучия. Ни тем, ни другим я, впрочем, похвастаться не могу. Аскетичный быт отставного комиссара — антитеза успеху и процветанию.

— Как прошло с Сэмом? — деловито интересуется Офелия и, сбросив мусор со столешницы, водружает на нее пакет. — Хотя не отвечай. Подожди. Я принесла тебе поесть. Ты и сам выглядишь так, будто скоро откинешься, я заметила это еще в госпитале. Давно ты ел? А спал?

— Отрубился на десять минут в такси на Некрополисе, — честно говорю я, — но я не люблю спать, ты знаешь. Мне вечно снится какая-то муть. Лучше совсем этого не делать.

Офелия осуждающе качает головой, и волна ее белоснежных волос от движения ползет по плечу. После общения с другой платиновой блондинкой я волей-неволей задумываюсь, не приходится ли моя старая знакомая дальней родственницей Ришар. Прежде я как-то не спрашивал, откуда Офелия взялась. Во времена нашего романа я предпочитал не лезть, куда не просят. Она тоже. Если кто-то из нас начнет предаваться воспоминаниям о своей неприлично долгой жизни, то это растянется еще на добрую сотню лет.

К черту ностальгию.

Офелия выпутывается из рукавов кафтана на славянский лад, отороченного искусственным мехом, и небрежно швыряет его на барный стул. Из принесенного пакета появляются два контейнера со смесью, выполненной в стиле китайской еды. Щедро приправленные острым соусом макароны плавают в алой субстанции.

Никогда не понимал пристрастия жителей Оккам-Прайм к «восточной кухне», но голод сильнее моих предрассудков.

Мы поглощаем смесь в неуютном молчании, и все же, как бы она ни выглядела, мне становится чуточку легче. Пробуждаются инстинкты. Я запоздало понимаю, что сегодня чуть не погиб. По-настоящему. Никакая регенерация не спасла бы меня от последствий крушения кара.

Неужели кто-то и правда этого добивался? Уничтожить меня до того, как я доберусь на исследовательскую станцию.

О, дьявол!

А ведь я сказал Луизе, что мне нужно закончить кое-какие дела, лишь бы отстрочить момент отцифровки. А на деле я спрятался в своей убогой квартирке, как жалкий трус, настолько мне омерзительна мысль, что ради миссии придется отдать частицу себя в чужие руки. И не просто частицу. Все, что у меня есть.

Холодные, бесчувственные, равнодушные к миру, мы изо всех сил цепляемся за последнее свое сокровище — разум. Этот блистательный разум будет загружен в мерзкую тушку болванчика.

Но ведь многим это нравится? Быть может, и я постепенно втянусь? Потрачу состояние на достоверную копию, оснащенную множеством прежде недоступных возможностей, переберусь на Гелиотрон, чтобы жить среди других ценителей суррогата? Или, напротив, стану одним

из психов Некрополиса, что так пристрастились к моменту умирания, что только и делают, что нарываюся на неприятности в надежде, что их прикончат?

Некрополис. Сэм. Луиза сказала, что расследование привело его туда. А Офелию привело сюда желание узнать, что стало с ее супругом. Нельзя забываться.

Я отставляю в сторону опустевший контейнер, что вызывает у Офелии недовольную мину. Подхватив оба контейнера, она выставляет на экране ресайклера верные настройки и швыряет мусор туда.

— Это пластик категории «С», а не «Е», — озвучивает она. — Настолько наплевательское отношение к экологии возмутительно.

— Мне похер, — ощериваюсь я. — Еще скажи, что просветленные жители Гелиотрона его вообще не используют, а вкушают нектар с посуды из листьев.

— Ты варвар, — заявляет Офелия, и в ее устах это, надо думать, самое страшное оскорбление. — Мы используем пластик, но правильно его утилизируем. А вы скоро снова засрете свою планету, подобно людям. Ладно, Фил. Ты действительно хочешь спорить на эту тему?

— Нет.

Она поправляет волосы, отчего браслеты на ее запястьях звенят. Она всегда поразительным образом сочетала в себе несочетаемые фрагменты человеческого культурного кода, что придавало ей небывалый шарм, делало уникальной. Славянский кафтан, индийские побрякушки, ковбойские сапоги, платье с викторианскими рюшами. От каждой нации, каждой эпохи Офелия взяла что-то свое, слепив в целостный образ. На ком-то другом вся эта мозаика из текстур смотрелась бы нелепо. Но она...

Подожди-ка, — останавливаю я себя. Что-то скребется на задворках сознания. Я сжимаю и разжимаю кулак, ощущая, как напрягаются мышцы, и, опустив глаза к своему запястью, вижу слабую пульсацию пульса.

— Так что там с Сэмом? — торопит Офелия.

— Что за дрянь была в смеси? — рычу я. — Офелия...

Она резко переключается с праведного гнева из-за экологических проблем Оккам-Прайм на свою личную драму. Офелия делает шаг и виснет у меня на шее. Теперь я могу во всех подробностях рассмотреть причудливый цвет ее глаз, ставших от слез не зелеными, а ультра-малиновыми.

— Он... его больше нет, да? — взволнованно шепчет она.

— Что было в смеси?! — жестче повторяю я. Ей-богу, сейчас я хорошенько наподдам ей или оттащу за волосы без всяких сантиментов. И как ей только хватило ума!

— Просто стимулятор, — быстро говорит Офелия. — Раньше ты не имел ничего против. Филип, я не дура, чтобы подсовывать ТС или что-то в этом духе комиссару нарко-полиции. Я... Мне нужно немного сочувствия. Я не хотела, чтобы ты сообщил мне о его смерти, словно зачитываешь рапорт.

Мне действительно становится ее жаль. Я вздыхаю. Дышать. Странно, когда это не фигура речи, а реальное действие. Воздух режет горло, а грудную клетку саднит от непривычного давления изнутри. Из-за чего мне кажется, что я теряю контроль. Над своим телом, над ситуацией, над чем-либо вообще. Я уже лет сто не подвергался воздействию стимуляторов, если не дольше. Последний раз это было с ней, с Офелией. Скорее всего, поэтому наш скоротечный роман и остался в памяти таким ярким штрихом. Он был прочерчен эффектом от более-менее безобидной химии.

— Я уже не комиссар, — напоминаю я. — И тебе стоило меня предупредить, прежде чем...

Я устало машу рукой, а Офелия перехватывает мою кисть в полете и переплетает наши пальцы. Ее кожа такая теплая, что контакт с ней обжигает. Но и я становлюсь теплее. Я

гадаю, позволяют ли современные стимуляторы вызвать рвотный рефлекс, чтобы избавиться от отравы, пока остальные эффекты не проявились. Так делали люди. Вроде как, им помогало.

— Он мертв? — давит Офелия.

— Да нет же, — выпаливаю я. — Пока еще нет.

Если Луиза не лгала, Сэм получил тестовую версию вакцины и введен в некое подобие искусственной комы, чтобы остановить развитие болезни и сберечь его мозг, пока не подоспеет доработанный образец. Но я не могу посвятить в это Офелию, не могу ее обнадежить. Я поставил свою подпись в контракте, требующем от меня хранить информацию в строжайшей тайне. И никакой стимулятор не развяжет мне язык.

— Но скоро... это скоро случится, — печально заключает Офелия и роняет голову мне на плечо. Она головокружительно пахнет. Или так и должны ощущаться запахи, если ты жив, а не ведешь жалкое подобие жизни? По сути наследники не далеко ушли от андроидов, а иные из них могут позволить себе куда больше сенсорного опыта, чем мы. Слава науке. Слава технологиям. Гребаным технологиям, что вытащат из меня мою личность и засунут в болванку.

Да лучше пребывать в постоянных наркотических грезах ТС в трущобах Оккам-Прайм, нежели это унижение.

— Так вот зачем это? — из-за действия стимулятора я не могу контролировать гнев и вымещаю его на Офелии, которая, между прочим, сама разожгла это пламя. — Присматриваешь замену? Даже отряхнула старую шкурку от пыли, потому что мне не нравятся долбанные куклы. Прости, но я не попрусь с тобой в Гелиотрон, чтобы прикидываться тем, кем не являюсь. Прекрасно понимаю Сэма. Конечно, он предпочел сдохнуть, лишь бы не играть в эти игры и не позволять пичкать себя химозной дрянью...

Меня прерывает звонкая пощечина.

— Я уже и забыла, какой ты козел, — шипит Офелия. — Не льсти себе! Гелиотрон — вершина прогресса и эволюции. Тебе там не место, ты...

— Козел, варвар, кто еще? — перебиваю я, загибая пальцы на свободной руке, остро ощущая каждый сустав, каждое сухожилие и трепещущую под кожей кровь. — Если я такой отвратительный, зачем же ты ко мне притащилась? Не говори, что за утешением. Я для этого не гожусь. Еще и стимулятор с собой прихватила. Дай угадаю... Потрахаться? Вот, что тебе нужно?

Офелия возмущенно фыркает, но все же тянется за поцелуем, подтверждая мою правоту.

Меня не оскорбляет, что из-за смертельного недуга нынешнего супруга, она вздумала вытащить меня со скамейки запасных. Нашему виду не свойственна моногамия, а стимулятор подавляет рефлексию. Разум, возведенный наследниками в Абсолют, теряет всю свою силу, уступая телу, возмнившему себя живым.

Взбесившаяся кровь стучит в висках и скоростным поездом мчится по венам и артериям. Весь мир сводится до тактильных ощущений. Я успел позабыть, как приятно обманываться. Все кажется настоящим. Мы кажемся настоящими.

Я усаживаю Офелию на столешницу, а она плотно оплетает меня руками и ногами. Не потрудившись избавить ее от нагромождения реликтовых рюш, я просто сдергиваю с нее белье и расстегиваю свои брюки. Член стоит колом и с легкостью вонзается в податливую плоть.

Что же... Без стимулятора это больше напоминало бы попытку просунуть гнилой фрукт в охлажденное желе. Мерзко и совсем несексуально. Люди ошибочно кутали наш вид во флер всепоглощающего эротизма. От мертвой плоти мало толку в постели. Ни один из нас не прельстился бы киской Люси Вестерна или Беллы Свон, но их крови отведал бы с превеликим удовольствием.

Клыки — вот наши половые органы.

И по старой привычке Офелия кусает меня в шею. Сейчас мне кажется почти милым, что она не удалила клыки, не спилила их за ненадобностью, как это сделали многие другие прогрессивные наследники. В госпиталь она явилась с идеальным «голливудским» прикусом, распространенным у жителей Гелиотрона. Но ко мне — такой, какой ее сотворила природа. Ночной хищницей. Кровожадной стервой.

Мы совокупаемся, как звери, окончательно сбросив путы напускной цивилизованности.

Влажные шлепки и пошлые звуки перемежаются с рыком и пылким дыханием.

Финишировав, Офелия кричит, падает из моих объятий и откидывается на столешницу, украсив своим разгоряченным, эстетичным телом усугубившийся беспорядок.

Догнав Офелию, я не спешу покидать ее тело, смакуя ощущения еще несколько мгновений.

Увы, я явственно чувствую, как все возвращается на круги своя, — действие стимулятора постепенно ослабевает. Кровь уже не пляшет свой бешеный танец, а конечности наливаются холодом. Я вытаскиваю из ящика сигареты, вставляю одну в рот, а помятую пачку кидаю Офелии. Она с любопытством осматривает старомодную бензиновую зажигалку. Зажигалка настоящая. Когда-то я конфисковал ее у одного крупного наркодельца при аресте, но вместо того, чтобы сдать в хранилище улик, оставил себе в качестве трофея. Подсудное дело. Как и все вещи с Земли, она до сих пор хранит в себе небольшую дозу радиации.

— Я помню эту зажигалку, — тихо говорит Офелия. — Я была уверена, что ты давно от нее избавился.

— Правда? — откликаюсь я. — Ну, как видишь, нет.

Триста лет назад мы делали тоже самое — трахались, а потом курили, пока наши легкие под остаточным влиянием стимулятора были восприимчивы к табаку. Не знаю, как насчет странных городов из своих снов, но эти моменты близости я все-таки вспоминаю с ностальгией. После Офелии я влачил слишком скучное существование. Но это не значит, что я рад ее триумфальному возвращению в свою жизнь. Да и считается ли это полноценным возвращением?

Я снова думаю про скамейку запасных. И, быть может, в ней нет ничего плохого, но у меня другие планы. Я не собираюсь развлекать эту эксцентричную особу. Меня уже наняла другая, не менее, судя по всему, эксцентричная. И секс под стимуляторами, к счастью, не включен в условия моего контракта.

— Уходи, — говорю я, затушив недокуренную сигарету о столешницу. — У меня много работы.

— О, мудака Филип Марлоу вернулся, — вздыхает Офелия. — Все-таки нужно было подсунуть тебе ТС. Наверное, с ним твоя гнусная сущность отсутствовала бы подольше.

— Послушай, куколка... — Я стискиваю ее подбородок пальцами и дергаю, вынуждая посмотреть себе в глаза. — Явишься ко мне с ТС, я прикончу тебя на месте, а потом не поленюсь посетить банк данных и стереть твое сознание. Навсегда. Воссоединишься с Сэмом, м?

Офелия брезгливо сбрасывает мою руку, поправляет белье и одежду, а затем встает. Она крошечная, но выглядит очень грозной, обнажая клыки. След от них медленно затягивается на моем горле, хотя уже не кровит. Волшебство закончилось.

— Чтобы я еще хоть раз с тобой связалась, — бормочет она себе под нос. — Увидимся еще через тысячу лет.

— И тебе не хворать, — бросаю я ей вслед.

Последствия употребления стимулятора настигают меня с заметным опозданием — уже на корабле конвента, куда я прибываю для проклятой отцифровки и других мероприятий,

предшествующих высылке на объект. Меня знобит. Во рту сухо и стоит неприятный гнилостный привкус. Ноет крошечная ранка, оставшаяся от клыков Офелии. Если бы меня могло стошнить, то точно бы стошнило.

Заметив мои страдания, доктор Браун предполагает, что я настолько боюсь грядущей процедуры.

В дороге я был занят тем, что тщательно присматривался ко всему подозрительному, решив не впадать в такую же беспечность, как и с каром, но все же улучил минутку, чтобы осмыслить данные, присланные Луизой Ришар. Я бегло просмотрел документы, стоило двери за Офелией захлопнуться. И, пожалуй, доктор Гертруда Браун — первая подозреваемая. Хотя это и лишено логического зерна, — зачем маститому ученому, обладателю кучи степеней и наград, скатываться до торговли компонентами? — она имеет самый расширенный доступ ко всем нюансам проекта. Браун легче всех было организовать сбыт сырья по сторонним каналам.

Вопреки хреновому самочувствию, я пытаюсь к ней присмотреться. А она, в свою очередь, присматривается ко мне. Луиза вполне могла выбрать Браун в качестве доверенного лица, посвященного в факт утечки.

— Это не больно, — снисходительно сообщает она, наворачивая круги вокруг кресла, где я дожидаясь начала отцифровки. — Я просто подключусь к вашему чипу, мистер Марлоу, и...

— И засунете мне в глазницу вон ту длинную иглу? — ерничаю я.

Браун прослеживает направление моего взгляда и насмешливо выгибает белесую бровь.

— Гм, нет, — серьезно говорит она. — Этой иглой мы извлекаем чипы из барахлящих андроидов для диагностики. Но если вы настаиваете...

— Нет, вовсе нет.

Ее крупные губы выгибаются в улыбке. Между них мелькают клыки — чуть подрезанные, чтобы не мешались, но все же сохранившие подобие изначальной формы. Это невольно внушает мне симпатию. Браун, хоть и ученое светило, но не отрекается от своей сути, как это делают некоторые.

Мелочь, а приятно.

— Кстати, это довольно любопытно, — замечает она, пока ее пальцы парят над клавиатурой винтажного компьютера. Скорее всего, в громоздком корпусе образца далекого двадцать первого века современная начинка. Ох уж эта мода на реликты! Иначе не понимаю, зачем держать это барахло на прогрессивной исследовательской станции.

— Что именно?

— Вы возражали против создания своей цифровой копии, но не против установки чипа, — отвечает доктор Браун. — Почему?

— А вы как думаете? — отвечаю я вопросом на вопрос, чтобы избежать многословной речи о причинах некоторых своих, возможно, весьма эксцентричных решений. — Без Акаши мы, как слепые котят. Она нужна была мне для работы.

— Слепые котят... — задумчиво повторяет Браун. — Работа. Насколько мне известно, вы — военный?

Я подавляю смех. Меня так и подмывает ответить, что последние войска, в которых я служил, входили в антигитлеровскую коалицию. Эта шутка перестала быть смешной лет так шестьсот-семьсот назад? Да и не шутка вовсе. И чем меньше обо мне знает доктор Браун, тем лучше. Луиза советовала не распространяться, чем я занимался в Оккам-Прайм, чтобы не тревожить коллег по исследовательской миссии. По официальной версии, я просто головорез, которого Луиза наняла, чтобы обеспечить безопасность ученых, трудящихся на недружественной, плохо изученной планете.

— Типа того, — уклончиво отвечаю я.

— Ладно, — Браун быстро теряет интерес к этой теме. — Меня предупредили, что вам понадобится оболочка с хорошей подготовкой и соответствующими навыками. Но я знаю вас,

солдафонов, так что не вздумайте вести себя на станции, как привыкли. Увижу что-то подобное — тут же вырублю вашего носителя.

— Увидите? — удивляюсь я. — Но...

— Да, — доктор кивает. — Я... Как бы это сказать? И здесь, и там.

Я изумленно приоткрываю рот и провожу языком по клыкам. На них все еще осталось мерзкое послевкусие, являющейся справедливой ценой за радости, что дарят стимуляторы.

— С андроидами бывают проблемы, потому мне удобнее было расщепить свое сознание, — не без гордости сообщает Браун. — Конечно, не каждый на это способен. Нужны годы тренировок. Вам, понятное дело, глупо мечтать о чем-то подобном. С непривычки вообще будете врезаться в стены, так что аккуратнее первое время.

Потрясающе, — мрачно думаю я. Мало того, что мне придется ощущать куклу из органически-углеродного наносплава, прилипшую к моему сознанию, как дерьмо к подошве ботинка, так ей еще и нужно учиться управлять. И как в таких условиях выполнить поручение Луизы? Ни в одном человеческом фильме-нуар не было детектива, что неуклюже натывается на предметы и сшибает все на своем пути, вместо того, чтобы курить сигары в контровом свете и, цинично вздыхая, вести свое расследование.

По моему кислому виду Браун понимает, как меня расстроили ее рассуждения.

— Ничего, — ободряюще говорит она. — Вы быстро освоитесь. Мы используем только самые продвинутые оболочки, а не всякое устаревшее барахло. Рефлексы будут даже круче, чем у настоящего тела. Кстати, пока я готовлю необходимое, посмотрите требуемые параметры. Ну, кроме умения махать кулаками.

— Какие еще нахер параметры? — недоверчиво уточняю я.

— Внешность, — бросает она, отвернувшись ко мне спиной. — Персонал станции штампуется по одному образцу, но многим комфортнее сохранить какие-то черты, чтобы не шараться от собственного отражения.

От собственного отражения... — повторяю я про себя. Зеркала — рудимент в мире наследников. Некоторые эксцентричные богачи собирают их у себя, но даже стимуляторы не способны наделить этот хлам каким-то функционалом. Я слышал, что под ТС возможно что-то увидеть, но не склонен верить всяким рассказам. И, конечно, я предпочитал не думать о том, что жалким болванчикам доступно то, что немыслимо для нас, их создателей.

Кажется, доктору Браун просто чертовски нравится шокировать меня каждым сказанным словом.

— У меня нет особых пожеланий, — заторможено говорю я. — Любая внешность сойдет.

— Сразу видно новичка, — фыркает она. — А как насчет сменить прическу? Она вам не надоела за тысячу лет? Или, быть может, подправить...

— Ладно, окей, — сдаюсь я, пресекая любое потенциально оскорбительное продолжение. — Волосы можно сделать короче, остальное не трогайте. Вы меня к исследовательской миссии готовите или к злобучему конкурсу красоты?

— Будь моя воля, я бы внесла кучу корректив, — желчно бросает она. — Как минимум, избавила вас от привычки сквернословить. Сотрудники станции — заслуженные ученые, а не всякий сброд, с которым вы привыкли иметь дело, где вы там служили.

Ученые, в бочке моченые, — фыркаю я про себя. Теперь я жалею, что мое общение с доктором Зазнайкой не ограничится подготовительным этапом. Она, как я уже понял, еще та заноза в заднице, и, как и большинство научных светил, мнит себя гребаным Сверхчеловеком.

«Но что за страх позорный, Сверхчеловек, тобою овладел?» — выплывает откуда-то из закоулков памяти. Я хмурюсь, пытаюсь вспомнить, откуда эта цитата, а главное, понять, с чего вдруг она пришла мне на ум. Наверное, из-за несостоявшейся шутки про военную службу против стран «оси». Они были еще теми любителями ницшеанского бреда. А Браун, часом,

не в Анненербе начинала научную карьеру? Из-за великанского роста и белобрых волос она вполне сошла бы за гордость арийской нации.

Завязывай, — говорю я себе. От меня требуется делать выводы, а не развешивать ярлыки.

— Готово, — провозглашает она. — Можем начинать. Попрощайтесь с Акаши, ей на станцию доступ заказан.

— Почему это?

— По кочану, мистер Марлоу, — пресекает Браун. — Вас наняли для защиты персонала, а не для того, чтобы вы задавали идиотские вопросы.

Я уныло киваю и мысленно взываю к Акаши:

Прощай?

До новых встреч, — откликается она. — *Не беспокойтесь. Я буду дожидаться вашего возвращения. Захотите поделиться впечатлениями или получить трактование любым необычным сновидением — я к вашим услугам.*

Меня не обнадеживает ее оптимизм. Он заложен в алгоритмах Акаши, а искренность нельзя подделать комбинацией кода. По правде, ей, невозмутимой, всезнающей, мудрой, плевать на наши дела. Она останется, даже если что-то на планете пойдет не так, и я не вернусь.

И почему я вообще об этом думаю? Что может пойти не так?

Я закрываю глаза и проваливаюсь в темноту — без снов, без мыслей, без чувств. Браун не обманула — процедура отцифровки действительно безболезненная. Возможно, она похожа на смерть в представлении философов-агностиков. Ни рая, ни ада, ни чистилища. Глухой мешок пустоты, наброшенный на голову, поглощающий все сигналы тела и импульсы.

Времени нет, потому я не знаю, сколько провожу в синтетическом небытии.

А открыв глаза, я впервые за тысячу лет, нет, целую вечность, вижу солнечный свет, лежащий на гладком полотнище серой стены. Он такой яркий, что больно смотреть. Кое-как совладав с непослушным чужим телом, я принимаю сидячее положение и растираю зудящие веки. Руки не ощущаются неуклюжим придатком к сознанию, но координация пока оставляет желать лучшего. Простым, как мне казалось, легким движением я едва не выдавливаю себе глаза. К этому нужно привыкнуть.

Лучи свободно струятся в окно, выходящее на кровавый лес и бледно-лиловые горы. А над ними в зеленоватом небе висит белый шар неведомого светила.

Это не солнце. И это не Земля. И я больше не я.

[5]

Кристина.

Я мысленно составляю благодарственное письмо, обращенное к Тени, что отправила меня сюда. Я больше не умираю. На этой планете приятный климат, на станции хорошо кормят, хоть и чудаковатыми овощами, а также обеспечивают всем необходимым. Не нужно ломать голову, как заработать денег, чтобы отладить свой быт. И в придачу — серебряные чудики, наследники, как там их — скрывают под скафандрами и шлемами массу интересного.

Словом, мне нравится то, что я вижу.

На мой притязательный вкус «сталкер» оказывается весьма симпатичным. Если его собратья такие же красавчики, то мне повезло. Впрочем, я тут же отвечаю себе воображаемый подзатыльник. Чипы, вживленные нам, позволяют понимать язык. На что еще они способны? Вдруг заодно они воздействуют и на зрительные нервы, подменяя картинку? И передо мной вовсе не роскошный брюнет с очумительными глазами цвета капучино, а какая-то склизкая тварь?

Пожертвовав трофеем в виде шлема, я тянусь к его лицу, чтобы проверить свое пугающее предположение. Конечно, ему это не нравится, и он шлепает меня по пальцам.

Он и до того смотрел на меня так, будто я призналась, что разбила его любимую тачку. Нет, не так. Переехала насмерть на его любимой тачке его любимую собаку.

Мои кисти снова в захвате. И за такую вопиющую наглость он точно сломает мне запястья. Я не сильно-то беспокоюсь об этом. От созерцания обитателя серебряных доспехов воочию на меня накатывает нездоровое веселье. А я, между прочим, восседаю у него на груди, обнаженная выше пояса.

— Какого? — беспомощно возмущается «сталкер». Голос у него тоже приятный.

Ставлю класс. Запакуйте!

— Ты человек! — восклицаю я, позабыв о прежней стратегии поведения, когда я пыталась выдавать себя за дикарку. Запоздало я утешаю себя тем, что в этой реплике нет ничего подсудного. Дикарям же объяснили, к какому виду они относятся? Должны же были объяснить.

— Гм, — многозначительно тянет он.

— Но почему вы прячетесь от нас? — тараторю я. — Почему не снимаете свою экипировку?

— Это действительно то, что тебе нужно узнать именно сейчас? — осуждает меня «сталкер». — Эта тварь может вернуться в любой момент.

И он совершенно прав, — спохватываюсь я. Еще не хватало на этой позитивной ноте стать обедом голодного волкотигра.

Он выпускает мои руки, я отворачиваюсь и стыдливо прикрываю ими сиськи, припомнив, что прежде не имела привычки разгуливать топлес. Одно дело светить ими перед непонятным созданием в маске, другое — перед вполне себе человеческим мужиком.

— Чего ты вообще добивалась? — любопытствует он.

Я кошусь на него через плечо — темные брови нахмурены, кофейные глаза смотрят строго, как на разыгравшегося ребенка. Моя выходка — еще то ребячество, но что поделать. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Узнать, кто наши захватчики дорогого стоит. Я не жалею о пробежке по лесу и нелепом стриптизе. Кстати, об этом — взгляд «сталкера» прикован к моему лицу, не ниже. Плевать он хотел на мои прелести.

Вот это уже по-настоящему обидно. Всегда, почувствовав себя уязвленной, я превращаюсь в кровожадную фурию. Я испытываю острое желание закончить начатое тигроволком и прикончить гада голыми руками. Я бы обязательно это сделала, не будь руки заняты.

— Вы, наверное, считаете нас отсталыми, — сердито говорю я, — но мы заслуживаем знать правду! Кто вы такие, что вам от нас нужно, зачем вы собираете нас на станции...

— Мы не считаем вас отсталыми, — заверяет меня «сталкер». — Вы просто находитесь на другом этапе развития. И на правах тех, кто все их уже прошел, мы обязаны проконтролировать вашу эволюцию.

— А мы об этом просили? — возмущаюсь я, резко преисполнившись сочувствия к дикарям. — Чтобы кто-то насаждал нам свою долбаную эволюцию?! Откуда вы взялись? Прилетели с Земли?

Я испуганно закрываю рот руками, и мои бедные соски беззащитно торчат, лишившись последнего прикрытия. Какая разница? Я только что сказала то, чего нельзя было говорить. В этот раз я точно попалась. Его черты хищно заостряются.

— Повтори, — приказывает он.

— Я... вычитала это в книжке! — нахожусь я. Звучит жалко. Я готова расплакаться от злости на себя. — Про Землю... что люди живут там.

— Люди уже давно там не живут, — заявляет «сталкер», — но ты не можешь этого знать. И все же... с тобой что-то не так. Ты отличаешься от остальных.

— Мое племя...

В следующий момент он впечатывает меня физиономией в землю. Травинки щекочут обнаженную грудь, а холодные пальцы шарят по моему загривку, подбираясь к чипу. Я извиваюсь в его руках, но он давит мне локтем на спину, не позволяя выпутаться. Из последних сил я выворачиваю шею и кусаю негодя за ладонь через перчатку. Он чертыхается и машет рукой в воздухе. Спасибо, что не лупит меня по лицу за очередную странную выходку.

— Да угомонись ты, — требует он.

— Отпусти меня, ублюдок! — выдвигаю я ответное требование. Он и правда перестает меня удерживать, но делает это зря. Я бросаюсь на него с кулаками, сама толком не понимая, чего этим добьюсь. Наши силы едва ли сопоставимы. В результате глупой, неравной схватки я снова обездвижена.

Мой пыл стихает, а щиты падают. Я чувствую себя несчастной и уставшей.

— Ладно-ладно, ты выиграл, — плаксиво признаю я. — Моего племени не существует. Я его придумала. Я не дикарка, я не одна из них. Меня зовут Кристина Андерсон, мне двадцать семь лет, я попала сюда с Земли. Заснула в две тысячи двадцать пятом, а очнулась уже здесь. Я не понимаю, как это вышло. Не знаю, какой сейчас год, где мы находимся, а вы — с вашими технологиями и идиотскими скафандрами — делаете мое положение только хуже. Нет бы хоть что-то объяснили. Я понимала вашу речь и без чипа, потому что вы говорите на том же языке, на котором говорили на Земле. Я умею читать... я...

«Сталкер» выглядит сбитым с толку. Он изумленно приоткрывает рот и смотрит на меня уже не как на преступницу, а как на полную дуру.

— Это невозможно, — роняет он. — Земля находится на другом конце Вселенной, но там больше никого нет. Ядерная война сделала ее непригодной для жизни. Наследники покинули эту планету тысячу лет назад. Что за бред ты несешь?

Его слова окончательно срывают стоп-кран. Я начинаю реветь в голос, представляя всех, кого знала (не сказать, что любила), обращенными в радиоактивный пепел. Мою кукушку-мать, которой, глядя правде в глаза, я могла звонить и почаще. Моих подруг, жаловавшихся на их мудаков-парней. Хозяйку моей арендованной квартиры, добрую, но слегка чудаковатую старуху с мерзкой крысopodobной собачонкой. Продавца-араба из круглосуточного магазинчика возле дома.

Неужели всех их не стало? И не стало так давно, что это не укладывается в голове. Я готовилась принять смерть, загигаясь от лейкемии, но каким-то немыслимым образом умудрилась пережить всех, кого знаю.

Всех людей на Земле.

Аборигены на этой планете, кажется, не имеют к ним никакого отношения. Но «наследники»... Что если «сталкер» — потомок кого-то из тех, с кем я была знакома? Или, быть может, тысяча раз правнук той твари, из-за которой я уселась в ванну с бокалом «кровавой Мэри», оплакивая свое поражение?

Похоже на правду. По крайней мере, он ведет себя по-ублюдски. Или у него, вероятно, нет представлений о том, что плачущего, глубоко опечаленного человека полагается как-то утешить. Вместо этого он таращится на меня во все глаза. Красивые, но холодные. В его чертах нет и тени сочувствия.

— Это просто не может быть правдой, — упрямо твердит он.

— Ну, конечно! — вспыхиваю я. — А как ты объяснишь, почему я отличаюсь от остальных не только внешне? Я знаю много вещей, которых не могут знать дикари! Допустим... — Перестав плакать, я растираю остатки слез по лицу и сосредоточенно морщу лоб. Так... Что-нибудь. — Второй «Аватар» — скучное, претенциозное дерьмо, Курт Кобейн застрелился в тысяча девятьсот девяносто четвертом году, а «Кока-кола» вкуснее «Пепси». Или ты не согласен?

— Никогда не пробовал ни то, ни другое, — признается «сталкер», — но это еще ни о чем не говорит. Ты могла почерпнуть знания из чипа... или...

Он умолкает и задумчиво смотрит мимо меня на красный лес.

— Дьявол, — вздыхает он. — И у Акаши не спросишь.

— Акаши?

Он не расщедривается на объяснения, а переводит взгляд на меня, и, спохватившись, выпускает меня из захвата. На всякий случай я отсаживаюсь подальше, ведь все это время торчала у него на коленях. Мне не помешало бы немного личного пространства и чуть меньше неловкости от столь тесного контакта.

— Так ты — андроид? — вдруг спрашивает он.

— Чего!?!? — восклицаю я. — Сам ты, нахер, андроид. С какой это стати?

— Например, тебя включили в программу, чтобы втереться в доверие к местным жителям и собрать информацию, — проигнорировав мой протест, рассуждает он вслух, — но почему шкурка такая чудная? Зачем было делать тебя отличной от остальных?

Из-за его возмутительных предположений я опять готова ринуться в атаку.

— Эй! — Я бью его кулаком по плечу, отметив, что «доспехи» хоть и выглядят выполненными из серебра, но на ощупь скорее напоминают замшу. — Завязывай, чувак! Я не андроид. Я человек из плоти и крови. Смотри.

Я с силой дергаю заусенец на безымянном пальце и тычу им под нос наследнику. Нос у него, кстати, довольно длинный, и я уже не считаю его таким симпатичным. Скорее всего, на моем мнении не в лучшую сторону сказались беспочвенные подозрения о моей нечеловеческой природе.

То, что происходит после демонстрации, не поддается никакому логическому объяснению. «Сталкер» косит глаза на одинокую красную каплю и ловит мой палец губами. Я не успеваю даже возмутиться, снова уложенная на лопатки. Он нависает надо мной и припадает к моей шее, будто собирается укусить, но не кусает, а проводит языком по коже над сонной артерией.

Это одновременно безумно и эротично. Я бы высказала все, что думаю, но мой рот занят: вылизав мое горло, он целует меня — так напористо, словно все-таки хочет сожрать. Я минуту спорю с собой и отвечаю. Аргумент «сто лет не было секса» перевешивает на чаше весов. Сто? Или, учитывая новые вводные данные, правильнее будет сказать — тысячу? Нехилый срок! Это оправдывает, почему я теку, а не возмущаюсь принудительно навязанным слюнообменом.

Им дело не ограничивается. Крупные ладони уже всю тискают мои сиськи.

Окей, — решаю я. — Каким-то неведомым образом я оказалась на «другом конце Вселенной», на гребаной чужой планете, узнала, что моя родная Земля сгинула вместе со всеми ее жителями, почему бы мне просто не наслаждаться моментом? Терять точно уже нечего. Я спокойно могу творить любую дичь, не испытывая сожалений.

Секс с мутным типом из далекого будущего более чем вписывается в понятие «любая дичь».

Знала бы я еще, как снять с него этот сраный скафандр!

Потому я оказываю посильную помощь общему делу и избавляюсь от своих грязных, промокших от валяния на земле штанов. Считаю этот сигнал, «сталкер» ловко расстегивает какие-то застёжки своего комбинезона, являя мне подкаченные мышцы груди и предплечий, обтянутые белой безупречной кожей. Слишком безупречной. В иных обстоятельствах, я придала бы этому значение, но сейчас мне плевать. Нижняя часть скафандра тоже расстегнута, и меня куда больше увлекает внушительный, эрегированный член, такой же гладкий и правильный, как и все его тело. Люди будущего заметно выигрывают у тех, с кем мне доводилось иметь дело в прошлом.

Ощувив этот агрегат внутри, я заключаю, что внешность не была обманом зрения и иллюзией, созданной воздействием чипа на мозг. Он настоящий. Это точно не щупальца. Щупальца, пожалуй, не доставляли бы такого дискомфорта после долбаного года воздержания. Тысячи лет воздержания.

— Полегче, — сипло стону я, умоляя не вторгаться в меня с таким зверским рвением.

Он послушно переходит на более щадящий темп и, будто извиняясь, целует меня мягче и нежнее. Поворочавшись под ним, я нахожу правильный угол. Мышцы привыкают к натяжению, и боль стихает совсем.

Я думаю, что не зря щеголяла перед своим преследователем голой грудью и разыгрывала карту с натиранием маслом, — качественный трах неплохо разнообразит унылый быт на колонизируемой планете.

Удерживая меня за бедро, «сталкер» снова ускоряется. Мягкая кожа перчатки ложится мне на клитор и потирает, усиливая удовольствие. С моих губ срывается бесстыдный стон, и меня не заботит, что на этот звук сюда могут сбежаться все тигроволки, что могли его слышать. Или другие серебряные ребята, что, возможно, вдохновившись увиденным, пожелают присоединиться. Если они все также хороши собой, как этот конкретный экземпляр, я не против. На Земле я и одного нормального мужика находила с трудом, а на этой планете могу наконец-то позволить себе оторваться за всю прежнюю жизнь.

Где-то на задворках сознания бьется тревожная мысль о том, что подобные размышления, как и в целом совокупление с человеком, которого я толком не знаю, для меня совсем нетипичны, но я гоню ее прочь. То, что было раньше, не имеет значения. Придется учиться жить заново, заново строить свою систему ценностей в новых странных обстоятельствах. И сейчас на вершине моей пирамиды потребностей явно стоит удовольствие.

Я кончаю так эпично, что после меня начинает бить мелкая дрожь. Он тоже финиширует, и ощущение пульсации члена внутри провоцирует у меня второй оргазм. Только следом за ним все же приходит горькое осознание содеянного.

Ну ладно еще я — у меня от всех потрясений основательно закатились шарики за ролики, но что не так с моим любовником? Судя по его мигмом помрачневшему лицу, секс с дикаркой не является для него вариантом нормы. Он спешно освобождает меня от себя и нахлобучивает свой футуристический прикид.

— Что это нахер такое было? — бормочу я.

— Больше никогда так не делай, — жестко говорит он.

— Как «так»? — недоумеваю я. Не отдавайся первому встречному? Не бегай по лесу? Не снимай пижаму в присутствии посторонних?

— Не тычь своей гребаной кровью в лицо кому-то из нас, — отвечает «сталкер» и, подумав, добавляет: — И лучше не распространяйся о своих особенностях. Хотя бы пока...

— Пока что? — нетерпеливо перебиваю я.

— Мне нужно с этим разобраться, — откликается он. — Пока пусть это останется между нами.

— Гм... ладно. Договорились. А что насчет «этого»? — Я окидываю рукой себя и его. — Об этом, надо думать, тоже лучше помалкивать? Я, если что, не в претензии и вовсе не стану требовать, чтобы ты на мне женился, чтобы спасти от «бесчестья», но с твоей стороны было бы мило хотя бы представиться.

Он опять смотрит на меня, как на ничтожное существо, лишенное хоть крупинки интеллекта. Да, я такая и есть, но это в край невежливо, особенно после того, как его гребанный член побывал в моей киске. От одного воспоминания об этом мне хочется повторения. Мне понравилось. Все мои прежние, ныне покойные, кавалеры посрамлены.

Я стоически выдерживаю его снисходительный взгляд.

— Фил, — говорит он после недолгой паузы. — Меня зовут Фил.

Вот и познакомились, — заключаю я про себя.

После этого эпизода кое-что проясняется. Я замечаю то, на что не обратила внимания сразу. И дело вовсе не в том, что удовлетворение низменной потребности уподобило меня дикарям, позволив влиться в их коллектив. Не только Лили с Дином зажимались по углам, но и многие другие. В столовой, в «школе», в коридорах я вижу, как аборигены касаются друг друга, — почти неуволимо, но в эти жесты вложено куда больше, чем в любые слова. Возбуждение словно разлито в воздухе, и дикари, вдыхая его, ведут себя подобно мартовским котам. Лишь наследники держатся особняком, затаенные в свои глухие доспехи и маски, которые, видимо, защищают их от воздействия вездесущих феромонов.

Что это, если не они?

Я не узнаю себя. Образ соития на лесной поляне навязчиво стоит у меня перед глазами, и пару раз, плюнув на Лили, сопящую на соседней койке, я занимаюсь мастурбацией по ночам. Осознав, что я перешла все возможные границы, я ищу объяснение. И оно миглом отбивает у меня не только желание дальше рукоблудствовать, но и аппетит.

Я недоверчиво гоняю еду по тарелке, решив, что дело в ней, — нам что-то подмешивают, чтобы, скорее всего, увеличить популяцию аборигенов естественным путем. И, вероятно, это не единственный эксперимент, что на нас ставят «захватчики», пока мы беззаботно повинуемся взбесившимся гормонам и делаем, что нам велят.

— Ты заболела? — спрашивает Лили, заметив, что я так и не притронулась к ужину. Завтрак и обед также отправились в утиль. В желудке образовался комок пустоты, но, как мне кажется, мои мысли слегка прояснились, вынырнув из мутного марева грязных фантазий.

Выходит, я не ошиблась. Но сколько еще я смогу морить себя голодом?

— Хм, да, — с запинкой отвечаю я. — Простыла.

Мне плевать, известно ей это слово или нет. Пока Лили осмысляет услышанное, я оглядываюсь по сторонам, почувствовав на себе чей-то взгляд. И это не Фил, с того знаменательного момента предпочитающий держаться от меня подальше. Это Дин — он с любопытством со своего места взирает на меня и... мою полную тарелку. Его порция тоже остывает впустую. Немного поиграв со мной в гляделки, он кивает.

Значит, и он догадался. Или он что-то знает?

Ближе к ночи он предвосхищает мое намерение завязать разговор. Подкараулив меня в коридоре, он хватает меня за руку и волочет за собой. Я не сопротивляюсь, а проверяю, нет ли на нашем пути кого-то из наследников. Очень кстати, что все они куда-то подевались.

Дин вталкивает меня в какое-то помещение, и я успеваю испугаться, не надумал ли и он меня трахнуть. Эта мысль уже не вызывает во мне такого воодушевления. Мне нравилось думать, что Тень отправила меня прямиком на страницы эротического романчика в футуристических декорациях ровно до того момента, как я заподозрила здесь взаимосвязь.

Мое либидо мертвее мертвого. И оно, к счастью, не Иисус Христос, чтобы воскреснуть снова.

Я осматриваю место, куда меня притащил парень Лили, и по моей спине пробегают мурашки — вовсе не от возбуждения. Нас окружают стеллажи, заставленные пробирками с кровью. В тусклом свете кровь кажется черной, но я легко догадываюсь, что это она, а не что-то другое. Несколько раз в неделю такая пробирка выскальзывала из степлера в кабинете забора анализов. Да, я предполагала, что наследникам важно чутко следить за здоровьем своих подопечных, но... Но этот запас материала выглядит пугающе.

— Что... — выдыхаю я. — Что это такое?

— Не знаю, — признается Дин, — но вряд ли что-то хорошее.

Я подхожу к первому стеллажу и изучаю наклейки на пробирках. Все они пронумерованы, а номера, надо думать, присвоены каждому из нас. Дикарей чуть меньше сотни, как и повторяющихся цифр.

— Как ты это нашел? — беспомощно спрашиваю я. — И почему привел сюда меня, а не Лили?

— Я... — Дин опускает взгляд. — Я подумал, что она не поймет. А ты, кажется, тоже хочешь во всем разобраться.

Да, тут он попал в точку. Я так сильно хочу во всем разобраться, что позволила одному из наших поработителей себя поймать, лишь бы вытянуть из него хоть какие-то ответы. Не только поэтому, конечно, глядя правде в глаза, но... Я, как минимум, знаю о наших серебряных благодетелях больше, чем многие другие дикари.

Дин, выходит, исключение.

— Я проследил за ними, — объясняет Дин. — Видел, что ночью они не запирают эту дверь.

Все-таки он не такой мудак, как я о нем думала. И нужно отдать ему должное — прекратив свои визиты к Лили, он не терял времени даром.

— Что еще тебе удалось узнать?

— Немного, — признает он.

— А что с тем... человеком, который пропал? — вырывается у меня. Увы, это так и остается тайной. Дин пропускает мои слова мимо ушей, уловив шум снаружи.

Пробормотав что-то на своем языке, скорее всего, нецензурное, он увлекает меня за дальний стеллаж и прижимает палец к губам, призывая к молчанию. Жест такой знакомый и родной, что у меня колет сердце.

В помещение входят двое наследников. Один держит прозрачный планшет, бросающий на его маску жутковатые отсветы, второй с тележкой мнется у входа.

— Надеюсь, мы не сервируем стол для какой-нибудь важной шишки, — скрипит вокодер того, что подпирает дверь.

— Нам платят не за то, чтобы мы лезли в чужие дела, — сухо замечает второй.

— Ну, конечно, — фыркает первый. — А нельзя попросить себе это в качестве надбавки за сверхсекретность? — Он приближается и снимает с полки одну капсулу. — Тебе правда совсем не интересно попробовать?

— Мне не интересно переводить образцы на болванку, — отрезает второй серебряный чудик.

— Да ладно, болванки-то качественные... — канючит первый. — Может, спишешь парочку ради интереса... и...

Он затыкается, когда в проходе возникает третий наследник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.